

ДЖИЛЛ БАРНЕТ

Джилл Барнет

Унесенные страстью

1996

Барнет Д.

Унесенные страстью / Д. Барнет — 1996

Братья Мак-Лаклены хороши всем – красотой и умом, мужеством и отвагой. Отчего же не могут эти сыновья гордого шотландского клана найти себе невест? Все просто – слишком мрачные легенды ходят об уединенном острове, на котором они поселились. Ни одна девушка не захочет оказаться там по доброй воле. Остается одно – похитить красавиц силой! Пробуждать страсть в похищенных пленницах – древнее искусство, которым владеет всякий мужчина из рода Мак-Лакленов!..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джилл Барнет

Унесенные страстью

*Доскам для серфинга Дьюи Уэбера и «Шевроле-57»,
Веточкам вербы на Пасху
И блужданиям взад и вперед по бульвару Хоторн,
Нашим битвам за лишнюю порцию в кафетерии
И горьким усмешкам в классе на уроке геометрии;
Песням «Битлз» и веселым ночным пирушкам,
Лыжным пробежкам по Ховенли
И спокойным, уверенным движениям того,
Кто несется по морю на серфе.
Стремительным автомобилям и старым насосам;
Восторженной дрожи открытий
И счастьем отцовства;
Слезам и касаниям,
Крепкому сну и дурацким шуткам.
Человеку, который знал, как все движется в этом мире,
Потому что однажды
Он, должно быть, разобрал все на части;
Тому самому, что все эти годы
Учил меня, что есть любовь.*

Джон Кристофер Стадлер. 14 мая 1948 – 8 февраля 1996

*Надеюсь, что и в раю есть потрепанные машины с мощным
гоночным мотором, любовь моя!*

Пролог

*Как-то баклан – морской ворон обычный —
Сложил свои яйца в мешок поприличней.
Причина простая, заметьте:
Хотел от грозы уберечь их.
Но вот не подумала птица,
Что могут медведи явиться
И утащить мешочки
Для булочек и кренделечков.*

Неизвестный автор

В последний ясный день августа семь громадных черных бакланов, клином пролетая над Атлантическим океаном, опустились на скалу в уютной бухточке острова Эрент. В общем-то в этом не было бы ничего необычного – бакланы – морские птицы, а морские птицы имеют обыкновение садиться на скалы, – если бы не то, что эти птицы проделывали это ежедневно в один и тот же час в течение всего лета. Каждое утро они опускались на утес и замирали, распластав свои крылья, будто бы просушивая их после стирки. Они не двигались, даже когда мимо проплывала аппетитная стайка сельди; они просто смотрели – в течение долгих часов, – словно ожидая чего-то.

Если бы это были вороны, их поведению тотчас же нашлось бы объяснение. Жители Новой Англии знали, что по числу ворон, увиденных одновременно, можно предсказывать будущее.

Одна – черед печалиться,
Две – будешь ликовать,
Три – скоро замуж собираться,
Четыре – срок пришел рожать.

Однако это не были вороны. Это были бакланы, черные вороны моря. Местные жители считали их самыми докучливыми птицами из всех поднебесных созданий Мэна, поскольку именно они чаще всего уничтожали улов рыбаков и портили деревья на острове. Если бы кто-нибудь на побережье узнал о поведении этих птиц, облюбовавших утес, он, вероятно, сказал бы, что ничего удивительного тут нет – «свой своего ищет». Остров, похоже, имел репутацию не лучше, чем эти морские птицы.

В ясный солнечный день, когда море голубовато-зеленое, тихое, взгляните с берега на остров Эрент, и он покажется вам гордым средневековым замком, воздвигнутым на высоком утесе. Но, если погода меняется, меняется и остров, превращаясь в странное синее облако, плывущее на горизонте.

Когда ветер дул с юга, волны наскакивали на рифы, окружавшие остров, острые, грозные, и буруны разлетались брызгами пены, набегая на каменистые уступы. Но остров всегда оставался спокойным и неприступным, безразличным к капризам непогоды и моря, закрытым, словно хранил какую-то тайну.

От него было не более семи морских лиг до изрезанного берега Мэна с его роскошными летними усадьбами и элегантными виллами, стоявшими чуть в стороне от рыбацких лачуг и потрепанных волнами причалов, которых было множество в устье Кеннебека. До острова в хорошую погоду легко можно было добраться на узкой увертливой шхуне, сошедшей со ступеней Бата; в те воды рыболовные суда выходили на лов трески, макрели и огромных косяков серебристой сельди, от которых гладь моря в лунные ночи мерцала так, будто Млечный Путь опрокинулся в него во всем своем сиянии и блеске.

Невзирая на близость оживленного побережья, остров казался каким-то отчужденным, далеким. И не только потому, что он был окружен водой, – нет, остров Эрент представлялся совершенно иным миром, загадочным, потаенным, пока туман не рассеивался и вы не убеждались, что он и впрямь существует.

Об этом островке давно уже ходили всякие небылицы. Дети рыбаков собирались зимой у очага и рассказывали друг другу о диких шотландцах, его населявших; они уверяли, что это вовсе не люди, а призраки тех, кто умер еще в давние времена на вересковых пустошах Каллодена, привидения, которые перелетели через Атлантический океан на изрезанный, холодный и скалистый клочок земли, так похожий на любимые ими нагорья Шотландии.

Кое-кто утверждал, что диких шотландцев, живших на загадочном острове, звали Мак-Лаклены. И дети боялись полнолуния, уверенные, что стоит им только не положить под подушку светлое перышко птенца буревестника, как бешеный Мак-Лаклен прискачет на белом коне с развевающейся по ветру гривой и умчит их, похитив из теплых кроваток!

Когда ветер крепчал, срывая драпку с кровель рыбацких хибарок, говорили, что это Мак-Лаклен выехал ночью верхом на своем скакуне – вот буря и разыгралась. Иногда по ночам плакучие ивы стонали под порывами ветра, и казалось, что кто-то рыдает. Матери, поплотнее укрывая своих ребятишек теплыми шерстяными одеялами, убеждали их, что никого там нет, что это просто ветер завывает в ветвях деревьев.

Однако вихри детских фантазий были столь же стремительны, как ветер, шумящий в ивах. Ребятишки придвигались друг к другу ближе, крепче обвивая друг друга ручонками, шепча, что это и впрямь чей-то плач, рыдание несчастной души человека, увидевшего белую лошадь Мак-Лаклена, который с грохотом и громом вылетел из тумана.

Так что в то лето странное поведение этих черных и докучливых морских птиц прошло незамеченным. И так уже было о чем посудачить – довольно было всяких кошмаров и небылиц, загадочных и страшных историй о диких шотландцах, которые могут примчаться на белых конях и похитить, кого им вздумается.

Глава 1

*Ах, если бы вдруг увидеть мне
Рыцаря – в латах, на белом коне!
Из сини небесной на зелень земли
Копыта коня его вмиг бы снесли,
Как в давние годы бывало, друзья...
Кто знает, быть может, увижу и я!*

А. А. Милн

Для Эмили Эмерсон это был один из тех ясных, чудесных дней, когда небо похоже на громадную синюю чашу, опрокинутую вверх дном вроде фаянсовой миски, в которой кухарка в субботу по утрам замешивает тесто для хлеба. Облака – и те как будто резвились; они неслись по эмалево-синему небу, словно легкие белые струйки просеянной, чистой муки.

Эми повернулась лицом к теплым лучам августовского солнца и закрыла глаза. Мысленно она представила себе Господа Бога, стоящего на небесах над ее головой в белой хламиде и фартуке. Его седые длинные кудри были подоткнуты под хрустящий от крахмала льняной колпак повара, и он месил небо, как тесто, одаривая всех тех, кто был на земле, этим чудесным днем.

Такое же эмалево-синее небо было и в июне, в тот день, когда Уильям де Пайстер пригласил ее покататься на лодке по реке Кеннебек. Лодка их тихонько скользила по глади реки, и красные цветы распускавшихся кленов, облетая, плыли по воде перед ними, точно бархатный алый ковер, расстеленный к ногам королевы. Это был самый прекрасный день в ее жизни: улыбки, несколько обрывочных слов и нежный поцелуй чуть позднее – и Эми сошла на берег, опираясь на сильную руку Уильяма, ту самую, что украсила красным кленовым цветком ее волосы и изумрудным обручальным кольцом ее руку.

Странно, как может неожиданно измениться жизнь человека. Ее родители умерли три года назад, и Эми с тех пор проводила каждое лето в Мэне. Один из ее опекунов решил, что морской воздух будет полезен для девушки, и остальные тотчас же согласились.

Летом избранный кружок отдыхающих стекался сюда отовсюду: из Бостона, Филадельфии, Нью-Йорка – толпы богачей из высшего света. Все они на лето съезжались в Мэн, где голубика была сочной и спелой, где легкий морской ветерок навевал спокойствие и беззаботность, где устраивались катания на яхтах и люди общались в своем замкнутом, узком мирке – среди тех, в чьих жилах текла голубая кровь, а в карманах водились деньги.

У Эмили Эмерсон были деньги – целая куча денег. Вполне достаточно для того, чтобы ее имя стояло среди первых в «Бич» – каталоге, где значились величина и источник происхождения каждого американского состояния. Вполне достаточно для того, чтобы перед ней распахнулись священные двери, надежно отгораживающие от мира тех, кого в Америке считали аристократами. Вполне достаточно для того, чтобы ей присылали все должные приглашения, где водяными знаками на бумаге были написаны такие имена, как Кэбот и Ливингстон, Дибон и Уинтроп, – имена потомков старинных богатых родов. Эми бывала на их вечерах даже после того, как поняла, что она там не очень-то желанная гостья и более того – пария, поскольку родители ее имели дерзость заработать свои миллионы, вместо того чтобы унаследовать их от какого-нибудь прапрадедушки, бежавшего из Старого Света пару столетий назад и прибывшего в Америку, чтобы питаться там кукурузой вместе с индейцами.

Эми никак не могла взять в толк, отчего состояние, нажитое тяжким трудом и своим собственным умом, считается менее достойным, чем капиталы, произраставшие на банковских процентах и ипотеках или на громадных земельных угодьях последние сто лет, а то и больше. Отличие старых состояний от новых оставалось для Эми загадкой.

Правда, Эми совсем почти не знала людей. Она всегда жила под крылышком у родителей, а те оберегали ее и лелеяли в своем маленьком семейном мирке, где она неизменно ощущала себя любимой.

Казалось, это было только вчера – она мысленно видела отца, с его длинными, неудобно подогнутыми ногами, сидящего в маленьком белом креслице с цветками анютиных глазок на обивке. Он был невероятно высокий, однако умудрялся очень ловко удерживать фарфоровую чашечку с блюдцем на своих худых коленях и есть при этом сэндвичи с огурцами, слегка оттопырив изящный палец.

Он научил свою дочку чувствовать красоту цветов и деревьев, птичьей песни и сияния летнего неба. У него было чутье на то, что справедливо и что нет, и на то, что представляло для него истинную ценность.

Случалось, они гуляли вместе с Эми, и отец, покачивая темноволосой головой, говорил с недоумением, что никогда не мог понять, как это люди, глядя на цветущую розу, на красные клены, меняющие цвет своих листьев, или слушая утреннюю песню скворца, могут усомниться в существовании Бога. У него было такое же удивленное лицо всякий раз, когда он смотрел на Эми или на ее мать, – словно он никак не мог поверить, что они и в самом деле существуют.

С матерью Эми чувствовала себя уверенной, защищенной. Та как-то умела угадывать, когда девочка нуждалась в ласке, в добром совете или просто в утешающем, нежном касании руки. Ей достаточно было взглянуть на дочку, чтобы заметить, что той нездоровится. Ей даже не требовалось для этого касаться ее лба рукой или губами.

Сколько раз, бывало, Эми, почувствовав, что проголодалась, оборачивалась и видела мать, уже стоявшую у дверей ее комнаты с вазочкой, полной фруктов, или с тарелочкой булочек к чаю. Мать всегда находила предлог, чтобы войти в спальню Эми буквально за минуту до того, как девочка ощущала, что валится с ног от усталости. В мгновение ока Эми оказывалась переодетой в ночную рубашку и лежала под одеялом в своей теплой, уютной кровати, а мать в это время гасила свет и желала ей доброй ночи таким мелодичным и ласковым голосом, словно он доносился с небес.

Эми еще не было семи, когда они с матерью увидели куклу с чудесным приданым в витрине универсального магазина Шварца. Эми помнила, как вставала на цыпочки, пытаясь разглядеть, что там внутри.

Витрина от ее дыхания затуманилась, так как девочка прижималась носиком к льдистому, холодному стеклу, и мама тогда наклонилась – лицо у нее было улыбочное, нежное – и вытерла затуманенное стекло своим прекрасным кружевным платочком, так чтобы Эми могла спокойно разглядывать все, что в витрине. Они простояли там не менее получаса, и снег падал на их меховые муфты и на воротники бархатных пальто. Но мать ни разу не поторопила ее, давая Эми наглядеться вволю.

В тот год на Рождество Эми, открывая одну за другой коробки с подарками, находила в них кукольную одежду – но не ту, что была тогда в витрине магазина игрушек, а бархатные, отделанные парчой платья, крохотные шляпки с бантиками и перьями и даже маленькие бархатные сумочки с шелковыми шнурочками – все это было точь-в-точь как кукольная одежда из магазина, и все это мать Эми сделала своими собственными руками.

Родителям ее ничего не стоило купить эту одежду в магазине – у отца и тогда уже было достаточно денег, – но они не сделали этого. Мать потратила много времени, чтобы сшить это приданое для куклы дочки, и оттого оно было для Эми дороже, чем все капиталы во всех банках Манхэттена. В каждой жемчужинке, в каждой ленте и сборочке была любовь ее матери.

Однако с какой бы нежностью Эми ни вспоминала эти радостные, светлые годы, родители ее все-таки совершили ошибку: они никогда не выпускали свою дочь за порог того мира, который сами же для нее создали, – того, где ее берегли и любили, где девочку учили быть доброй, любить, мыслить самостоятельно – ценностям, ничего общего не имевшим с деньгами.

Детство Эми было особым миром – миром, который внезапно, в одно трагическое мгновение, рухнул. Потому что, когда ее родители умерли, тот мир, который она знала, погиб вместе с ними.

Эми осталась на попечении опекунов – людей деловых, практичных, распорядившихся ее состоянием и совершенно чужих ей. Отец ее, быть может, и доверял им, но для нее они были не более чем представителями закона, которые не могут понять, что значит для молодой девушки внезапно остаться совершенно одной в целом мире. Вот они и отправляли ее в Мэн каждое лето в июне.

Эми замолкала, робела и чувствовала себя не в своей тарелке всякий раз, как попадала в большую компанию, особенно в общество, которое каждое лето бежало от жары и тесноты переполненных городов на востоке страны к приволью и прохладе побережья Мэна. Для них ценность представляли только капиталы в банке, имущество – все, что имело определенную стоимость; критерием всего были деньги. Главным было имя, «марка» – шла ли речь о старинном, почтенном семействе или о модном, дорогом туалете.

Эми всегда отличалась от окружающих – ведь те были на месте, в своей стихии, они были неотъемлемым ее дополнением, словно гостиная, декорированная изящно, в мягких, пастельных тонах. Эми среди них чувствовала себя чужой, словно ярко-красное пятно в комнате среди приглушенного бледно-розового.

И все-таки что-то, как будто по волшебству, изменилось после катания на лодке среди ярко-алых цветов в тот чудный июньский день. Эми словно бы стала частичкой кого-то. Исполволь, постепенно она вновь начала обретать прежнее ощущение надежности, защищенности. И сердцем и умом она верила, что имя де Пайстер поднимет ее в глазах окружающих, смое с нее печать буржуазных, не так давно заработанных капиталов. Она больше не будет кричащим ярко-красным пятном. Благодаря Уильяму, прекрасному, сильному Уильяму, Эми скоро обретет бледно-розовый цвет, такой же приглушенный, изящный, как и у всех окружающих.

Для нее дни, подобные этой последней субботе августа, были точно искры, рождавшие те удивительные события, которые в корне меняют всю жизнь человека. В такой же день, как сегодня, одно из заветных желаний Эми исполнилось.

Девушка с неохотой отвернулась от теплых солнечных лучей и взглянула на море – сине-зеленое и спокойное. Там, далеко, на самом севере, темным силуэтом на фоне васильково-синего неба выделялся остров. На мгновение этот суровый скалистый остров показался ей сказочным замком – громадным, темно-серым, величественным. Эми представила, как рыцари на белых конях объезжают его в поисках ужасных чудовищ, надеясь поразить их ради прекрасной дамы.

Правда, единственными чудовищами, которых когда-либо видела Эми, были яркие, похожие на маленьких драконов стрекозы с прозрачными крылышками, сновавшие сейчас вокруг нее. Они носились в августовском воздухе, потом ныряли вниз по склону холма в заросли голубики. Девушка пошла вслед за ними мимо вьющихся роз, чьи стебли образовали живую изгородь и приманивали пчел, которые кружились перед ней, словно маленькие яркие огоньки.

Неподалеку, в высоких ивах, чьи тонкие стволы были густо увиты плющом, Эми услышала звонкую песню скворца, а зяблики перелетали с ветки на ветку, и их лазоревые перышки словно бы таяли в этом удивительном небе.

Тихонько напевая, девушка опустилась на колени у высоких кустов, где дикая голубика была такой спелой и сочной, что стоило прикоснуться к ней пальцами – и ягоды сами так и падали в подставленную ладонь. Эми качнула две веточки с гроздьями ягод.

Точно жемчужины с нитки, ягоды голубики – белые, как будто покрытые изморозью, – посыпались ей в ладони. Она подержала их какую-то долю, секунды, не утерпела и отправила всю горсть в рот. Щеки ее оттопырились, как у мыши, нашедшей рождественский пудинг.

Эми проголодалась; она так торопилась за ягодами, боясь, как бы другие ее не опередили, что не успела съесть утром ни крошки.

Стоя на коленях на мягкой, чуть влажной земле, девушка набрала еще ягод и опустила их в плетеную ивовую корзинку, стоявшую рядом с ее снятыми чулками и туфельками. В считанные минуты корзинка наполовину наполнилась, и Эми углубилась в заросли; в листве видны были только ее босые, испачканные в земле ноги.

Мужские голоса и хруст сапог по гравии заглушили песню скворца и тихое жужжание стрекоз и пчел. Эми замерла, услышав смех, она не знала, заговорить ей или затаиться. Сквозь густую листву ей ничего не было видно, кроме нескольких пар мужских ног.

– Просто не представляю, что может быть хуже, Энд. Даже я не смог бы такого вынести.

У Джонатана Уинтропа был резкий, высокий голос, и Эми тотчас же узнала его, а «Энд» – это, конечно, Эндрю Билл. Оба были друзьями ее Уильяма. Девушка, тихонько прислушиваясь, сосчитала ноги, видневшиеся сквозь листву. Мужчин было шестеро.

– Еще и не то можно вытерпеть... за такие-то деньги, – заметил один из них, и мужчины опять рассмеялись.

– Я бы лучше заточил себя на остров Эрент с этой бандой диких шотландцев, чем повесить такое ярмо на шею.

– Шотландская клетка совсем не идет тебе, Энд. – Снова взрыв смеха. – К тому же твоя семья не нуждается в этих миллионах.

– Даже если бы и нуждалась, вряд ли я сгодился бы на роль жертвенного агнца.

– Еще как бы сгодился! Если бы ты так же нуждался в деньгах, как Уильям...

Эми так и застыла, догадавшись наконец, что они говорят о ней. Она затаила дыхание, прислушиваясь.

– И когда же наш жертвенный агнец, или, скорее, баран, пойдет на заклание?

Новый взрыв хохота.

– Где-нибудь в декабре.

– В декабре, – хмыкнул кто-то. – Декабрь – это длань Господа, удушающая де Пайстеров.

– А теперь повтори это быстро шесть раз.

Эми сидела в своем укрытии, почти физически ощущая, как все в ней увядает и меркнет, точно все ее надежды и счастье утекали по капле, пока не осталось ничего, кроме пустой оболочки. Мужчины опять засмеялись, обыгрывая еще раз последнее оскорбление. Щеки девушки вспыхнули от стыда.

– Знаешь, как говорится, ты можешь жениться на женщине ради денег и секса и все-таки любить... Пользуйся ее деньгами и телом и люби каждый миг этой жизни!

С каждым новым взрывом смеха, с каждой шуткой щеки Эмилии горели все жарче; глаза ее жгло от унижения. Невидимая никому, она сидела в своем укрытии и плакала беззвучно, слушая, как друзья Уильяма насмеваются над ней. Они были из тех людей, что не остановятся, чтобы полюбоваться полетом птицы, посмотреть на заходящее солнце или вдохнуть аромат цветка. Сшитая вручную одежда для куклы не имела бы для них никакой цены. Вещи должны были стоить дорого или иметь «знак качества», «марку».

У Эми не было такой «марки», у нее были лишь деньги – достаточно, чтобы оплатить любую вещь, какую им вздумалось бы купить. Это было все равно как если бы сейчас, прямо здесь, в кустах голубики, она превратилась из человека даже не в недочеловека и не в дурного, нехорошего человека, нет, в нечто гораздо худшее – в банковский счет.

Девушка зажмурилась и, наверное, в тысячный раз за последние три года пожалела, что родителей нет в живых. Ей хотелось, чтобы мать ее была сейчас здесь со своим кружевным платочком, но не затем, чтобы протирать затуманенную витрину, а чтобы осушить слезы Эми, которые ей было не удержать.

Ей хотелось очутиться в объятиях матери еще хоть разочек, хотя бы на минутку, чтобы почувствовать себя защищенной, ощутить себя опять человеком. Ей хотелось, чтобы отец был жив и она, заглянув в его глаза, могла бы увидеть там себя такой, какой она была раньше. Ей хотелось быть сейчас где угодно, только не здесь, и чтобы рядом была сильная рука Уильяма и она бы могла на нее опереться.

Когда мужчины перестали смеяться, Эми открыла глаза: вокруг нее неясным пятном расплывалась листва голубики. Эмми вдруг поняла, что ей совсем не хотелось, чтобы Уильям – единственный, кому она была дорога, – услышал издевки и хохот приятелей. Она бы не вынесла, если бы он стал свидетелем ее унижения. Унижения, которое, как ни представляла, невозможно пережить, унижения, которому она подвергалась из-за того, что родилась не с тем именем.

Еще несколько мгновений жестоких, ранящих душу насмешек, и мужчины двинулись дальше по дорожке к дому Кэбота; там, в английском розовом саду Часси Кэбот им будут поданы холодные закуски, прежде чем все отправятся на последний праздник этого лета – ежегодный традиционный бал в имении Бэйардов.

Эми раздвинула кусты и медленно поднялась, не обращая внимания на листья, пыль и раздавленные ягоды, прилипшие к ее светлым волосам и подолу шелковой юбки, на то, что мокрая земля проступает у нее между пальцами босых ног. Низкий мужской голос донесся до ее слуха: такое самопожертвование заслуживает-де ордена за отвагу.

Девушка быстро обернулась, потрясенная, не веря своим ушам, и увидела вьющиеся темные волосы и широкие плечи Уильяма де Пайстера, единственного человека, которому, как думала Эми, она была дорога. У нее было такое чувство, какое бывает в тот страшный, ослепительный миг, когда понимаешь, что падаешь, в миг, когда сознание непоправимости происшедшего ударяет тебя наотмашь.

Горло ее сжалось; казалось, в нем застрял холодный ком жира. Она прерывисто вдыхала в себя воздух, стараясь удержаться и не надеть глупостей, не разрыдаться во весь голос. Девушка зажала себе рот ладонью, чтобы мужчины, которые спускались по тропинке среди деревьев к просторным зеленым лужайкам, не услышали ее плач.

В груди Эмилии, в самой ее глубине, сердце, казалось, совсем перестало биться. Ее мир, ее маленький, нелепый, полный грез и желаний мирок, которого на самом-то деле и не было, неожиданно снова рухнул.

Потому что это был голос Уильяма – того, что требовал ордена за отвагу. Эми смотрела на него со спины, а он стоял среди своих бессердечных приятелей. Он был все такой же высокий. И, освещенный солнцем, он по-прежнему выглядел сильным и уверенным.

Эми надеялась, что он тот, кто одолеет ее чудовищ. Но когда она вскинула голову и сглотнула тяжелый комок, стоявший в горле – казалось, это было ее сердце, – девушка взглянула правде в глаза: это был ее Уильям – тот, что хохотал громче всех.

Глава 2

*Жизнь похожа на пудинг:
Нужны и сахар,
И соль.
Тогда он получится вкусным.*

Старинная поговорка Новой Англии

Обивка кое-где порвалась. Джорджина Бэйард схватила вышитую подушку, некогда принадлежавшую Марии Антуанетте, и бросила ее на диван, чтобы прикрыть потерянные места.

Высокие часы на стене напротив начали отбивать время. Девушка обернулась: еще девять часов впереди. Она взяла медовую булку со столика, где был сервирован завтрак, и стала жевать ее, прохаживаясь мимо больших застекленных дверей, ведущих в сад.

Проглотив последний кусок, она посмотрела вдаль, на горизонт, где небо сходилось с неподвижной водой Атлантики. Однако Джорджина знала, что море переменчиво так же, как и удача ее брата. Случалось, океан был гладким, спокойным, невозмутимым, словно и не бывало никогда бурь, и пенных бурунов, и громадных валов, с таким грохотом и ревом налетавших на скалы Мэна, что местные рыбаки называли их ревунами.

Они подкрадывались незаметно, эти ревушие штормы, именно после таких дней, как сегодня, – прекрасных дней. Праздных, беспечных дней. Дней, которые убаюкивали, внушая ощущение благополучия и покоя, как будто все в этом мире прекрасно – так было и так будет всегда. Но те, кто знал побережье, кто провел здесь, в Мэне, немало времени, вроде нее, знали, что погода в конце лета, как, впрочем, и в любое другое время года, весьма изменчива.

Уж в чем Джорджина Бэйард не сомневалась, так это в том, что и жизнь изменчива. Только глупцы могут верить в судьбу и удачу. Именно таким глупцом и был ее брат. Всю жизнь он гонялся за призраками лишь затем, чтобы умереть разоренным, не оставив ей ничего, кроме множества долгов, большого особняка в Бостоне и летнего дома, который она так любит, – и тот и другой с громадными закладными, которые ей было не выплатить.

Джорджина проглотила еще три сладкие булочки, нервно откусывая и жуя, откусывая и жуя и совершенно не чувствуя вкуса. Она раздраженно уселась в стоявшее рядом кресло, глядя вдаль, за окно, где вид был испорчен серой уродливой глыбой острова; местные говорили, что туда переселились призраки диких шотландцев, изгнанных из собственных домов.

Дикие шотландцы... Вот еще! Девушка засмеялась. Неужто кто-нибудь поверит в такую чушь! Однако ей вдруг пришло в голову, что у нее есть кое-что общее с этими самыми шотландцами. Она тоже вот-вот потеряет свой дом.

Джорджина откинула голову. Бабушка всегда так делала – откидывала голову назад на несколько минут, когда устраивалась в этом кресле, том самом кресле, сидя в котором она, бывало, говаривала:

– Джорджина, тебе бы следовало родиться мальчишкой. Этот твой братец просто безвольное ничтожество, мот. У него в голове сплошной туман да бесплодные, несбыточные проекты. Он плохо кончит – помяни мое слово. Он слаб, но у тебя-то есть сила – упорство, характер и ум. Ты пошла в деда и в его отца, настоящего Бэйарда. Победителя.

Бабушка была права. Брат Джорджины Элберт никогда не задумывался над тем, к чему могут привести его действия. Он просто делал что-нибудь, и все. Он был всего на год старше ее, но в глазах родителей он был старше на годы; он значил для них больше, потому что был сыном.

Как-то днем в воскресенье – Джорджине тогда было шесть лет – они уселись всей семьей в легкую парную коляску и отправились в парк, где должен был состояться концерт, где в киос-

ках торговали сладостями, а детей ожидал кукольный спектакль. Однако задолго до всего этого Элберт потащил ее на пруд ловить лягушек, потом кормить голубей, которые, как он уверял, станут клевать орешки прямо с ладони Джорджины. Потом она поняла, что они заблудились в толпе ужасно высоких людей; торопясь на концерт, они не обращали внимания на маленькую потерявшуюся девочку.

Ей показалось, прошли часы, пока родители отыскивали их, сидящих на скамейке у пруда для домашних уток. Мать кинулась успокаивать плачущего Элберта. Джорджина же сидела, сцепив на коленях руки, чтобы они не дрожали. Она до того перепугалась, что у нее даже не было слез, чтобы заплакать. Отец и бабушка приняли это оцепенение от ужаса за стойкость и силу духа, и родные ее в первый раз произнесли имя девочки с одобрением и гордостью. Они утверждали, что она настоящая Бэйард.

Как-то раз жарким летним днем, когда брат и сестра подросли, Элберт уговорил ее искупаться в заливе и заплыть подальше, на глубину. Именно Джорджина, борясь с отливом, дотащила тогда брата до берега. Потом она сидела на песке среди водорослей, кашляя от набравшейся в горло морской воды, а мать ее, задыхаясь от рыданий и схватив Элберта, восклицала, что они чуть было не потеряли сыночка.

Родители увели ее брата в дом. Джорджина ведь была сильная, она не нуждалась в них так, как Элберт, а потому ее оставили на берегу. Позднее, когда брата закутали в нагретые простыни, напоили взбитым горячим шоколадом и накормили наваристой похлебкой со свининой и овощами, Джорджине достался лишь подзатыльник – она ведь такая сильная и рассудительная! Потом, перед сном, ее снова оставили в одиночестве.

Когда брат ее вскрикивал по ночам, боясь темноты, мать бежала к нему стремглав. А Джорджина – сильная и спокойная – не плакала, какие бы ужасы ей ни мерещились в темной комнате.

Со временем она приучила себя не обращать внимания на все, что шло от воображения: мечты, надежды и всякие там фантазии. Они были не более чем призраки, которые прятались в темноте; они никогда не существовали в действительности.

Жить – это вовсе не означало задумываться над тем, что когда-либо было или могло бы случиться или, может быть, даже существовало в действительности. Жить – это значило быть такой, какой хотели тебя видеть окружающие. Жить – значило постоянно, изо дня в день, стараться стать тем, чем ты не была. Ведь на самом деле Джорджина очень боялась! Что, если они вдруг узнают, что она на самом деле совсем не такая сильная, какой кажется?

Джорджина с малых лет научилась быть такой, какой ее желали видеть. Она научилась скрывать свои страхи за внешним спокойствием и самообладанием. Когда мать ее, умирая, простилась лишь с Элбертом или когда умер отец и оставил все состояние Бэйардов ее брату, мир девочки пошатнулся, но она становилась все сильнее и боролась все яростнее, держась из последних сил, как в тот день, много лет тому назад, когда она, сопротивляясь волнам, вот так же старалась продержаться и не выпустить Элберта.

И вот уже несколько недель она незаметно для окружающих снова вступила в борьбу. Сегодня вечером ей суждено узнать, стала ли она победителем в этой последней битве. Девушка резко вскочила, словно, присев на эти несколько минут, позволила себе непростибельную слабость и тем самым сдалась. Она повернулась, затем остановилась у стеклянных дверей, наблюдая, как больше десятка рабочих трудятся в саду, подрезая слишком длинные сучья и ветки так, чтобы они не нависали над каменными скамьями, придавая форму кустам и подстригая хвойные изгороди, доводя их до совершенства, убирая растоптанные лепестки лилий и роз и опавшие листья с каменных плит дорожек и мраморных фонтанов. Фонари были развешаны на балконе верхнего этажа, достаточно высоко для того, чтобы лить мягкий свет на площадку внизу, не освещая при этом ни трещин в деревянных стенах дома, ни пятен облезавшей там и сям штукатурки.

Со вчерашнего дня по мощенной кирпичом подъездной аллее то и дело громыхали колеса фургонов, доставлявших провизию: корзины с живыми омарами, превосходную говяжьё вырезку, свежие фрукты из теплицы, экзотические цветы, белужью икру и – ящик за ящиком – шампанское «Вдова Клико». Джорджина истратила остатки состояния их рода на сегодняшний бал – традиционный бал Бэйардов.

С незапамятных времен каждое лето бал в особняке Бэйардов закрывал сезон в Мэне. Мужчины помадили волосы, вдевали запонки из драгоценных камней в манжеты шелковых рубашек. Женщины крепко шнуровали крепдешинные бальные туфельки и облачались в свои самые нарядные туалеты, которые приберегали к этому ежегодному прощальному вечеру, где французское шампанское непрерывно струилось из массивного серебряного фонтана, где нежные ломтики вкуснейшего омара, запеченные в пышном тесте, подавались с чудесными экзотическими бананами, глазированными медом с лесными орехами, и где бусинки красной икры сверкали на кремовых пластинках молодого картофеля. В саду у Бэйардов будет звучать прелестная музыка и будут танцы; и хотя там всегда было достаточно света от фонарей, сияние полной августовской луны по традиции будет заливать сад.

Приглашенные девушки сгорали от нетерпения, поскольку всем было прекрасно известно, что на балу у Бэйардов заключалось больше помолвок и богатые семейства рождались чаще, чем на каких-либо других приемах и вечеринках. Дамы грезил о томных взглядах и томных поцелуях, о кратком вопросе и внушительном бриллианте в четыре карата в драгоценной платиновой оправе. Молодые люди готовились к объяснению в любви, когда они, встав на колени, сжимали во вспотевших ладонях маленькие коробочки, обитые внутри синим бархатом, для того чтобы уберечь лежавшие в них драгоценности. Сегодняшний вечер мог изменить судьбу по меньшей мере десятка пар.

Не пройдет и двух недель, как все отдыхающие разъедутся к себе в Бостон, Нью-Йорк и Филадельфию, где они будут оставаться до следующего июня, когда Мэн снова станет для них прибежищем, местом отдыха для этих легендарных американских фамилий, живущих в своем узком мирке, почти столь же призрачном, как а сказании о рыцарях короля Артура.

Но Джорджина не вернется домой. Городской особняк Бэйардов отошел во владение банка. Через три месяца она может потерять и этот дом тоже. Факт остается фактом: если только Джон Кэбот не сделает ей предложение сегодня вечером, у Джорджины не останется дома ни здесь, ни в Бостоне. Как только все разъедутся по домам, они узнают о том, что дом ее заложен и не может быть выкуплен, о разорившемся предприятии, о неоплаченных долговых обязательствах и о потере поставок. Они узнают о ее пустоголовом брате. Узнают, что состояния Бэйардов больше не существует.

Прошло еще несколько минут, и начали бить часы из розового дерева; они пробили один... два... три... четыре раза, прежде чем вступили часы на каминной полке. Вскоре все двадцать часов начали звонить и бить вразнобой, точно воплощая тот хаос, что царил теперь в жизни Джорджины. Девушка посмотрела на стену, где было выставлено собрание часов Бэйардов.

Основателем рода Бэйардов был часовщик из Старого Света, человек, который прибыл в Новый Свет и составил себе тут состояние и имя. По иронии судьбы и то и другое оказалось менее долговечным, чем его прославленные часы, которые были известны тем, что за весь год не отставали ни на минуту. Изящные, необычные, некоторые даже с секретом, часы были всегда неотъемлемой частью этого дома – частью наследства Джорджины. И вот теперь, когда ее благосостояние висело на волоске, все часы в этой комнате показывали разное время.

Девушка сердито рванула за шнурок колокольчика. Тот неуверенно звякнул, а другой конец шнура упал на пол; старый шелковый шнур просто-напросто перетерся. Джорджина смотрела на истрепанный конец, валявшийся на ковре; вид у него был совершенно истерзан-

ный. В правой руке она все еще сжимала другой конец. Она несколько раз глубоко вздохнула, потом окликнула:

– Миссис Картрайт! Ни звука в ответ.

– Мис-сис Кар-райт!

Старушка, торопливо семеня, вошла в комнату, – вытирая руки о передник.

– Да, мисс?

– Пожалуйста, пришлите кого-нибудь исправить сонетку и проверьте все остальные звонки. Все до единого. Сегодня вечером это особенно важно. Я хочу, чтобы все было в полном порядке.

Старушка кивнула и взяла у Джорджины шнур.

Джорджина прошла через комнату, и в эту минуту часы с перламутровым, лунно мерцающим циферблатом пробили шесть. «Сколько же сейчас времени?» – подумала девушка. Она посмотрела на часы и нахмурилась.

– И вот еще что, миссис Картрайт. Поставьте правильно все часы. Ни одни из них не идут как полагается.

– Но, мисс Бэйард, мы уже ставили. Мы подводили их только сегодня утром, а они все равно идут вразнобой.

– Это часы Бэйардов. Часы Бэйардов никогда не отстают ни на минуту. Это известно всем. Я вам сказала – переведите их.

Джорджина вышла из комнаты и прошла по коридору, отрывисто отдавая приказания горничным; она остановилась, чтобы поправить букет свежих цветов, стоявший у стены на старинном, французской работы, столике с позолоченными краями и чернильными пятнами, оставшимися еще от эпохи Людовика XIV. Она взяла розу, за ней лилию, хризантему и два листа папоротника; затем поставила их обратно, в точности так же, как они стояли раньше. Окинув их критическим, взглядом, девушка пробормотала:

– Вот так гораздо лучше!

Она осмотрела комнаты – все двадцать восемь, которые были в доме. Горничные, словно стайка испуганных птичек, пойманных в тесную клетку, уже по несколько раз прошли и тут и там с метелочками для пыли и швабрами. Они до блеска начистили массивные серебряные канделябры, принадлежавшие некогда императорам, смахнули воображаемые пылинки с каждой из пятнадцати хрустальных люстр, стерли крохотные темные пятнышки с французского ковра в курительной комнате и тщательно натерли жирным пчелиным воском с миндальным маслом перила из красного дерева, лестницы, а также все резные деревянные украшения – в который раз!

Отдав последнее приказание, Джорджина остановилась посреди холла, подбоченившись и разглядывая галерею наверху, в трех ярусах у нее над головой. Одно она знала наверняка: она должна спасти этот дом. В самые мрачные минуты, когда умер Элберт, когда она поняла, что разорена, в ту минуту, когда она осталась одна во всем мире и течение грозило затянуть ее на дно, ответ снизошел на нее, словно откровение свыше – если бы, конечно, она верила в нечто подобное, но Джорджина не верила.

Дом – этот дом со всем, что в нем было, – значил для нее все. В его деревянных оштукатуренных стенах было биение жизни, все, что составляло их, Бэйардов, сущность. Это был дом для людей, умеющих побеждать. С холодным отчаянием она сделала все от нее зависящее, чтобы спасти этот дом, потому что, утратив его, она перестанет быть Джорджиной Бэйард, она утратит себя.

Никто еще пока ни о чем не догадывался и, если Джон Кэбот сделает ей предложение, никто так ничего и не узнает. Все было готово. И сегодня вечером, если все пойдет как задумано, она получит предложение руки и сердца. Ее будущему, ее имени и дому ничто уже не будет угрожать.

Джорджина в пятый раз за это утро поправила цветы на столе, а мелодия «Сегодня! Сегодня! Сегодня вечером!» непрерывно звенела у нее в голове, словно бой часов. Все должно быть прекрасно, без сучка без задоринки, особенно теперь, когда она чувствовала, что борется с волнами упорнее, чем когда-либо. Потому что в этот вечер Джорджина должна была выплыть... или пойти ко дну.

Глава 3

*Да, братья с залива меня окликают,
Да, с моря свирепые ветры несутся,
Да, волны соленые в море солятся,
Да, дикие кони храпят и играют,
Мечутся, рвутся и в брызгах мелькают.*

Мэтью Арнольд. Одинокое тритоны

Остров Эрент, Мэн

Всадник стремительно, словно на Пегасе, взлетел на гребень зеленого холма. Августовский воздух, теплый и спокойный только секунду назад, дрожал теперь от грохота копыт белого жеребца Эйкена Мак-Лаклена. Они летели вниз по размокшей дороге, мимо скалистой вершины острова, где в ясный день, такой как сегодня, черные длинноносые бакланы сидят, расправив крылья, на белых уступах скал, а чайки пронзительно кричат, качаясь на волнах.

Эйкен перелетел через каменную ограду, промчался сквозь густые заросли в ущелье, где его конь поднял тучу брызг, проскакав по холодной воде ручья, потом перемахнул еще через одну изгородь, вдвое выше, чем предыдущая. Они промчались мимо пруда с утками-каменушками и белыми лебедями-кликунами, скользившими по стеклянной глади воды к маленькому деревянному мостику, перекинутому через ручей, подобно радуге.

Когда он мчался вот так и копыта его коня едва касались влажной под травянистым покровом земли, они вместе – всадник и его белый конь – казались единым существом невероятной мощи и грации; они точно летели в соленом морском просторе. Опушка густого болотистого леса, поросшая невысокими елочками и соснами, сменилась низиной, где они свернули на тропинку среди берез, кленов и осин, листья которых уже начинали желтеть. Каждый год, когда листья облетали, устилая землю слоем чуть ли не в фут толщиной, дорога становилась оранжево-красной, точно полыхала огнем.

Он попридержал лошадь, когда извилистая тропинка пошла под уклон, к морю, где маленькая узкая бухта была укрыта за выступом скалы, тянувшимся вдоль северного берега залива. Но, едва оказавшись на белом песке, всадник и конь снова взвились, пролетая по мелководью бешено вспененных бурунов, так что брызги взлетали у них за спиной, сверкая в ослепительном солнечном свете, точно сноп светлячков.

У маленькой деревянной пристани, почти в самом конце бухты Пайпера, стояло небольшое парусное судно; сейчас его парус был спущен. Однако путь всадника лежал вовсе не к морю. Напротив, он повернул и помчался по другой, уходившей наверх извилистой тропе, мимо высокого дерева гемлока, росшего прямо из скалы, скрывая то место, где тропинка становилась пологой и вела к длинному и низкому каменному дому.

Если смотреть с залива, дом внизу, казалось, вырос из склона холма. Вдоль заднего подъезда тянулись ряды гранитных арок; их мягкие, волнистые переходы обрамляли выходящий во двор фасад дома так естественно, что окна и двери казались высеченными из единой гигантской глыбы розовато-коричневого гранита.

На заднем дворе Эйкен остановился. Это был высокий, мускулистый мужчина; его светлые волосы золотом отливали на солнце, плечи были широкие, могучие, точно крылья у беркута. Однако он спрыгнул на землю с легкостью, необычной для такого громадного человека.

Жеребец его вскинул голову и ударил копытом о землю, словно все еще рвался куда-то. Но Эйкен дважды прищелкнул языком, и конь, еще раз закинув голову, неохотно застыл; на какую-то долю секунды все вокруг них умолкло, лишь море грохотало вдали.

Мгновение – столь же краткое, как вскрик чайки, – конь и всадник стояли неподвижно, глядя на залив и на судно, стоявшее у причала; затем исчезли во мраке под аркой.

Глава 4

Преследуй любовь – и она сбежит;

Беги от любви – и она не отстанет от тебя.

Старинная шотландская поговорка

Было нечто, чего Калем Мак-Лаклен не стал бы делать ни при каких обстоятельствах. Потому-то он и прятался на острове в ельнике, в лесу, тянувшемся вдоль северной оконечности бухты Пайпера. Стволы деревьев на опушке были усеяны толстыми наростами, выпиравшими из-под коры. Они прекрасно скрывали его от посторонних глаз, зато ему была видна как на ладони вся пристань.

Калем видел, как пять женщин сошли на берег. Неожиданно они остановились как вкопанные – Фергюс Мак-Лаклен резко окликнул их с палубы.

Сомнений не оставалось – прибыла новая партия невест. Этот упрямый старый черт хотел, чтобы Калем женился.

Что касается Фергюса Мак-Лаклена, дальнего родственника и вечного бельма на глазу, Калем никогда даже представить себе не мог, что еще взбредет в голову старику. Фергюс творил что ему вздумается, утверждая, что возраст, жизненный опыт и близкое родство со старым лордом, отцом Калема, на веки вечные дают ему право поступать наилучшим, с его точки зрения, образом с «сыном его доброго друга, старого лорда, Мак-Лаклена из Мак-Лакленов, Господь да благословит его душу, невзирая на его непутевых сыновей». То, что Фергюс, заменив отца, помогал растить Калема и его младшего брата Эйкена, только увеличивало рвение старика.

А в последние несколько лет это рвение было направлено на то, чтобы заставить Калема, вождя клана Мак-Лакленов, стать в конце концов женатым человеком. Старик начал сватовство сначала потихоньку, исподволь, но когда Калем отказался принимать его намеки всерьез, старый пройдоха стал заманивать женщин на остров, суля им в награду «отличного мужа, владельца немалого имения».

Для Калема женитьба казалась хуже смерти. Он понимал, что когда-нибудь ему придется пойти на это, тем не менее он вовсе не намерен был с этим спешить.

Калем поправил очки, высунулся из-за дерева и стал внимательно разглядывать женщин. Ему тут же захотелось бежать без оглядки.

Он тотчас же снова спрятался, снял очки и тщательно протер их о рубашку. Потом поднял их повыше, разглядывая на солнце, еще раз протер и снова надел.

Первая женщина была так стара, что спина ее уже начинала сутулиться. Вторую ему не было видно – мешали рыжие космы третьей. По правде говоря, рыжая шевелюра не давала вообще ничего разглядеть на расстоянии трех футов от ее головы. Мгновение спустя он заметил, что она то и дело как-то странно подергивается. Калем слегка вытянул шею. И все-таки ему, как и прежде, видны были только три из пяти женщин.

– Вот он! – раздался женский вопль у него за спиной.

– Ya! Das ist him! ¹ – пронзительно закричала другая.

Калем стремительно обернулся. Две женщины, которых он прежде не видел – по лицам обеих было видно, как страстно они жаждут завладеть каким-нибудь мужчиной, – стояли у него за спиной среди сосен. Он услышал крик тех, кто остался на пристани:

– Подождите нас!

¹ Да! Это он! (искаж. нем.)

Мгновение спустя в вихре песка и сосновых иголок, взметнувшихся из-под ног обладательницы необузданной рыжей шевелюры, все они с разных сторон двинулись прямо на него. Калем повернулся и бросился бежать со всех ног.

Глава 5

*Когда настух с дудкою дружен,
И птицы вьют гнездо свое,
И пахарь щебетом разбужен,
И девушки белят белье,
Тогда насмешливо кукушки
Кричат мужьям с лесной опушки:
Ку-ку!
Ку-ку! Ку-ку! Опасный звук!
Приводит он мужей в испуг.*

Уильям Шекспир

Калем захлопнул за собой дверь библиотеки и на мгновение прислонился к ней, с трудом переводя дух. Сосновые иголки прилипли к его влажной рубашке, нити бородатого мха висели на брюках и на ремне. Очки его болтались на одном ухе. Он надел их как следует, поправил на переносице, и стекла их тотчас же затуманились от жара его потного лица.

– Когда-нибудь я убью Фергюса, – пробормотал он сквозь зубы, снова протирая очки и обирая иголки, мох и влажные листья с одежды. – Вот этими руками... Сдавлю его толстую старую шею.

– Сдается мне, Фергюс привез тебе новых невест!

– Ну да, – выдохнул Калем, снимая увядший лист клена с белой рубашки и обернувшись на голос брата.

Эйкен сидел у окна, вытянувшись в кожаном кресле с подголовником; ему приходилось сидеть, откинувшись и вытянув ноги, – высокий рост не оставлял ему выбора. Калем тоже считался высоким при шести футах роста и достаточно сильным и мускулистым, но Эйкен был более чем на полфута выше, более широк в плечах, а руки его были такие громадные, что он мог обхватить своей ладонью ствол молодого дерева. Он метал молот дальше, чем кто-либо из всех, кого Калем знал, и при этом был достаточно проворным, чтобы носиться на коньках, точно ветер, сжимая клюшку в громадных ладонях. К тому же были лошади Эйкена. На Эйкена Мак-Лаклена стоило посмотреть, когда он гарцевал на одном из своих великолепных белых скакунов!

У Калема не было такой, как у брата, сноровки в обращении с животными. Зато он сам умел быстро бегать. Он бегал так быстро, что мог состязаться с любым из скакунов Эйкена в гонках по берегу. В детстве Калем всегда выходил победителем в соревнованиях по бегу. Он умел поворачивать на бегу, не теряя при этом ни доли секунды.

Эйкен любил похвалиться, что его старший брат может резко поменять направление в мгновение ока. И он был прав. Калем никогда не шел в обход. Он мог мчаться напрямик через чащу, ничуть не сбавляя скорости даже там, где березы росли так густо, что любому другому пришлось бы между ними протискиваться. Калем бегал так, как Эйкен скакал верхом – вкладывая в это каждую унцию той ловкости и сноровки, которыми Господь одарил его.

Однако убежать от невест, привезенных Фергюсом, это уж было чересчур!

– И сколько же их там на этот раз?

– Пять.

Калем отцепил последнюю лесную колючку от рубашки и бросил мох и иголки в пустой медный бак для золы, стоявший у очага. Ему послышалось, что Эйкен тихонько хмыкнул. Калем поднял глаза.

Брат смотрел на него, широко улыбаясь, как и всегда, когда Калем наводил чистоту.

– Я просто люблю порядок, – сказал Калем, оправдываясь, потом прошел к своему письменному столу и собрался было сесть, но передумал, смахивая какие-то пылинки с сиденья.

– Ну конечно, вот в этом ты весь! – Эйкен помолчал, глядя на голову Калема все с той же усмешкой. – Может, ты заодно уж вытащил бы шишку из своей шевелюры? А то ты похож с ней на гончую с подрезанным ухом на охоте за кабаном.

Эйкен засмеялся, а Калем взъерошил свои волосы, и маленькая сосновая шишка упала на аккуратную стопку бумаг на столе. Он хотел было устранить этот новый беспорядок, как гулкое цок-цок-цок раздалось в коридоре.

Братья подняли глаза. Конь Эйкена, цокая копытами, вбежал в библиотеку. Он замер, посмотрел на хозяина и потряс головой.

Калем со стоном упал в кресло.

– Неужели ты не можешь держать эту чертову скотину подальше от дома?

Эйкен пожал плечами:

– Он ведь ничего не ломает.

Калем смотрел, как длинный хвост жеребца раскачивается взад и вперед, едва не задевая хрустальный с серебром графинчик для виски.

– Этого еще не хватало, – тихонько пробормотал Калем, глядя, как брат ласково треплет лошадь по морде. – Этот псих, видно, думает, что перед ним комнатная левретка.

Внезапно оглушительный яростный стук донесся до них одновременно и от парадных дверей, и от черноте хода.

– Впустите нас! – кричали за дверью женщины. – Впустите!

Братья переглянулись.

– Я займусь ими. – Эйкен выбрался из кресла и встал.

– Да смотри, прихвати с собой Фергюса!

– Ладно. Я и так собирался.

Эйкен, широко шагая, быстро прошел через комнату; трава и засохшие комочки земли осыпались на ковер с его высоких сапог для верховой езды. Лошадь заржала и рысью, словно танцуя, пошла вслед за ним.

Калем выдвинул нижний ящик письменного стола и достал оттуда веничек и совок для мусора. Мгновение спустя он уже стоял на коленях, сметая траву, и пыль, и комочки засохшей грязи, сохранившие отпечатки конских копыт, с ковра. Он высыпал мусор из совка, отряхнул метелку и, тряпкой протирая совок, внимательным взглядом окинул темный ковер. Удовлетворенный, Калем повернулся, оглядывая высокие, из полированного красного дуба, полки для книг, занимавшие в комнате две стены и сделанные еще его дедушкой.

Все книги в кожаных переплетах стояли ровными, аккуратными рядами. Нигде ни пылинки, ни пушинки, и весь хрусталь, все предметы из бронзы, бывшие в комнате, – от графинов до вазы с орехами – так и сверкали. Оконные стекла были такие чистые, что, если бы не рамы и не легкие неровности на стекле, можно было бы подумать, их вовсе нет.

Спрятав метелку и тряпки обратно в ящик, Калем уселся за стол. Он три раза перекладывал стопки бумаг и, сочтя в конце концов, что они достаточно ровные, с облегчением вздохнул и откинулся в кресле. Все было в полном порядке.

Немного погодя дверь с грохотом распахнулась, отлетев к стене с такой силой, что лепные украшения на ней могли запросто сплющиться. Бумаги Калема разлетелись по всему письменному столу.

Эйкен вошел, шагая, как обычно, широко, бесшабашно.

– Все в порядке, – доложил он так, словно укрощать разъяренных женщин было в самом деле не труднее, чем дышать.

Калем лег грудью на стол, раскинув руки, словно баклан крылья; он – ухватился за край стола, прижимая к нему бумаги. Он поднял глаза, очки его сидели на кончике носа. Вид у

его младшего брата был такой, будто он только что проделал нечто столь же несложное, как бодрящая прогулка верхом по лугам.

Калем выпрямился, сдвинул очки на переносицу и сгреб бумаги в охапку. Он опять принялся их складывать в ровные, аккуратные стопки, а брат его тем временем снова развалился в любимом кресле, словно ничего и не случилось. Да, для Эйкена, пожалуй, усмирить этих женщин и впрямь не составляло труда.

Но не для Калема. Женщины пугали его. Они с Эйкеном во многом отличались друг от друга, но это несходство никогда не мешало Калему. А вот с женщинами Калем ощущал себя так, точно попадал в другой мир – непонятный, несуразный, бессмысленный.

Женщины были совершенно недоступны его пониманию – вечно они говорили одно, а делали при этом совершенно другое. Калем никогда не знал, чему верить: тому, что они говорят, или тому, что делают... или даже хуже того – тому, что они вовсе не говорят, но хотят, чтобы ты сам догадался и сделал. Они были начисто лишены всякой логики, и стоило ему оказаться в их обществе, как он становился раздражительным и сварливым, совсем как в те минуты, когда Фергюс к нему приставал с разговорами о женитьбе.

Калем закончил уборку и пристально, с неодобрением уставился на грязные сапоги брата.

– Между прочим, у каждой двери есть рожки для сапог.

– Знаю. Мне уже осточертело без конца через них перешагивать. Дурацкая штука, если ты хочешь знать мое мнение.

Эйкен взял грецкий орех из вазы, стоявшей около кресла, и тот хрустнул в его громадной ладони. Он вынул сердцевину, бросив скорлупки на стол и на кресло. Мгновение спустя послышалось цоканье – и конь его рысью вбежал в комнату.

Калем сдался. Он снова сдвинул очки на переносицу и стал решительно раскладывать бумаги на столе. Он делал это до тех пор, пока все они не были сложены ровными стопками в алфавитном порядке. Потом оглянулся на Эйкена; тот сидел весь засыпанный ореховой скорлупой.

– Где женщины?

– На кухне.

– На кухне? С чего это вдруг?

– Место женщины на кухне.

Эйкен с хрустом расколлот еще один орех.

– К тому же я сказал им, что ты просто обожаешь пончики и пирог с голубикой.

– Это же ты обожаешь пончики и пирог с голубикой!

Эйкен ухмыльнулся:

– Конечно!

– Я жажду избавиться от этих мегер, а ты посылаешь их печь пироги?

Эйкен пожал плечами, подбросив в воздух очищенный орех, так что тот упал ему прямо в рот.

– Я проголодался. – Он посмотрел на Калема. – Не волнуйся. Они слишком озабочены тем, чтобы произвести на тебя впечатление своей стряпней, для того чтобы гоняться за тобой. К тому же я запер кухонную дверь.

– Где Фергюс?

Эйкен скорлупкой указал на открытую дверь.

Калем взглянул, но в дверях никого не было. Он выждал, пока затихнет хруст орехов и досадный шорох скорлупок, падавших на чистый ковер. Наконец он окликнул:

– Фергюс!

Ни звука.

– Фергюс Мак-Лаклен, я ведь знаю, что ты где-то здесь!

Ни звука.

– Иди сейчас же сюда, старый плут!

– Иду... Иду...

Высокий старик с волосами до плеч, белыми, словно морская пена, появился в проеме двери. Его суровое, изборожденное морщинами от времени и непогоды лицо было хмурым.

– Ты что же, думаешь, я не слышу? Ты же ревешь, как сирена в тумане. Не худо бы тебе было с большим уважением относиться к тем, кто постарше тебя, – вот что, парень!

Старик покосился на жеребца, потом перевел взгляд на Эйкена; тот указывал на Калема. Фергюс стал в позу, оперев в бедра громадные кулаки, и, повернувшись, устремил мрачный взгляд на бюст Роберта Брюса, стоявший на высокой подставке из красного дерева рядом с письменным столом Калема.

– Я вовсе не глухой, не немой и не слепой, как ты думаешь.

– Я здесь, – сказал Калем сухо.

Фергюс опять повернулся, скосив на него глаза. Он ничего не ответил, лишь вздернул подбородок, выставив вперед жидкую бороденку, словно упрямый мул.

– Я ведь предупреждал тебя – чтобы больше никаких жещин!

– Ну да, так и было, парень, именно так.

– Так убери их отсюда, старик.

Фергюс стоял неподвижно, точно врос в землю.

– Я тебе еще раз повторяю – не привози больше женщин на остров. Впрочем, ты больше и не поедешь на побережье.

– Я бы и на этот раз не стал посылать его, – заметил Эйкен.

– Да я и не посылал Фергюса. Я послал Дэвида. Ты что же, думаешь, я уже совсем ничего не соображаю?

Эйкен только пожал плечами и бросил орех своей лошади.

– Если б ты имел хоть каплю соображения, Калем Мак-Лаклен, ты бы уже давным-давно женился. Вот и все, что тебе надо сделать, парень. Только-то и всего...

– О Боже! – еле слышно простонал Эйкен. – Он опять за свое...

Он поудобнее устроился в кресле. Конь положил ему морду на плечо, глядя на Фергюса большими печальными глазами. Калем же просто стоял в ожидании очередной, давно уже навязшей в зубах нотации.

– ... Все старейшины клана, должно быть, уже не раз перевернулись в своих гробах. Печальное время настало для рода Мак-Лакленов. – Фергюс тяжело вздохнул и покачал своей громадной седой головой. – Твой прапрадедушка, вождь клана Мак-Лакленов, погиб на Каллоден-Мур, пролив свою кровь ради освобождения клана, а ты вот стоишь здесь – и у тебя ни жены, ни детей! – Фергюс сердито потряс головой. – Эх! В мире все теперь наперекосяк, не то что прежде.

Калем взглянул на брата; тот шевелил губами, беззвучно повторяя за Фергюсом давно уже знакомые слова.

– ... А твой прадед – он был настоящий герой и все же был вынужден бежать с князем Бони во Францию и жить там в изгнании – да, вынужден. Но думал ли он о себе? Нет, он не думал о себе. Он потратил годы, отыскивая новое пристанище для своего народа. Он переплыл через море, пришел в эти дикие безлюдные места и не успокоился, пока не нашел этот остров.

Фергюс помолчал, потом плавно повел рукой, точно миссионер в грешников.

– Смотри! Оглянись вокруг себя, на этот остров! Твой остров! Он такой же, как был тогда, при шотландцах Бони. Затем этот славный муж отправился обратно в Шотландию и перевез сюда свой погибающий клан. При этом он потерял жену: твоя бабушка – чудная, милая – умерла, не вынеся путешествия. А ты!.. Прошло сто лет, как твой прапрадед, чье имя ты носишь, великий Калем Мак-Лаклен, погиб, отдав свою жизнь за князя на пустошах Каллодена,

а ты даже не можешь уважить твоих предков Мак-Лакленов, взяв себе маленькую, миленькую, славную женушку!

Фергюс с отчаянием выдохнул.

К этому времени Эйкен уже тихонько похрапывал; на голове у него покоилась морда его жеребца. Калем пригнулся, упершись руками в стол.

– Отвези... этих женщин... назад, – произнес он, отчетливо выговаривая каждое слово.

– Раз уж ты сам не хочешь понять, что тебе нужно сделать, – что ж, придется мне позаботиться! – Фергюс высоко поднял голову, скрестив руки на груди и не двигаясь с места. – Тебе нужно жениться, Калем Мак-Лаклен!

– На одной из этих страшных мегер? – вскричал Калем так громко, что Эйкен, вздрогнув, проснулся.

– А чем они плохи?

– Понял, брат? Ни черта Фергюс не смыслит в достоинствах женщин! – заметил Эйкен.

– Он даже представить себе не может, чем они плохи.

– Я ничуть не дурнее тебя, Эйкен Мак-Лаклен, и зрение у меня нисколько не хуже! – прорычал Фергюс, обращаясь к бюсту Роберта Брюса.

– Фергюс!

– А? – Фергюс обернулся на голос Калема.

– Одна из этих женщин настолько стара, что годится мне в бабушки.

На несколько секунд воцарилось молчание.

– М-да, Салли, пожалуй, уже не первой молодости, – признался наконец Фергюс.

Эйкен хмыкнул:

– Там уж и о последней говорить не приходится!

– Ты должен жениться, Калем Мак-Лаклен. Тебе нужно обзавестись семьей. Заиметь детишек. Это будут дети Мак-Лаклен... Посмотри на Эйкена! Твой брат на четыре года моложе тебя, а у него уже есть дети.

– Двое детей, – добавил Эйкен с широкой улыбкой.

Она тут же погасла, стоило только Фергюсу что-то пробормотать насчет очередного письма. Старик, нахмурившись, стал рыться в кармане пиджака.

– Ага, вот оно!

Он протянул Эйкену письмо на плотной веленовой бумаге, всем им уже хорошо знакомой. Они успели получить не менее десятка подобных писем из школы, где учились дети Эйкена.

Фергюс прихлопнул письмо у себя на ладони и бросил на Эйкена убийственный взгляд, говоривший: «Тебе нужно жениться».

– У тебя тоже нет жены, – произнес старик вслух.

Эйкен только пожал плечами:

– Я уже был женат.

– Твои дети должны быть здесь, среди Мак-Лакленов, а не в какой-то никчемной школе, где чужеземцы превращают их в маленьких варваров. Им нужна мать.

– Зачем? Я ведь свою никогда не видел.

Эйкен расколол еще один орех, забросил в рот, потом нахмурился и выплюнул его на ладонь.

Калем покачал головой. Быть может, Эйкену и вправду нужна женщина. Что-то ему, во всяком случае, нужно.

Эйкен поднял на них взгляд.

– Я уже сказал, что в жизни не знал своей матери, и ничего – как видишь, вырос.

– Видеть-то я это вижу, парень!..

Эйкен что-то шепнул своей лошади, потом потрепал ее по морде.

– Ты больше любишь своих лошадей, Эйкен Мак-Лаклен, чем собственных ребятишек. Эйкен застыл; он сидел молча, не двигаясь. Вся его бравада внезапно улетучилась. Он не отрываясь смотрел на нераспечатанное письмо каким-то странным, отрешенным взглядом.

«Пожалуй, Фергюс на этот раз зашел уж слишком далеко», – подумал Калем, переводя взгляд со своевольного, упрямого старика на столь же своевольного, упрямого брата.

Старик, наверное, и сам сообразил, что хватил чересчур; он тоже умолк. Напряжение росло; с минуту в комнате царила мертвая тишина, не считая непрерывного тиканья каминных часов Бэйарда.

Эйкен наконец поднял голову; скулы его напряглись чуть сильнее, глаза чуть больше сузились.

– Я сам позабочусь о своих ребятишках, старик.

– Им нужна рука матери и им нужно жить здесь, среди Мак-Лакленов. Дети должны жить с отцом – вот что я скажу тебе, парень.

Эйкен ничего не ответил.

Фергюс опять повернулся к Калему.

– А ты – глава клана Мак-Лакленов, последний в нашем роде Калем Мак-Лаклен, а у тебя вообще нет детей. У ребятишек Эйкена нет двоюродных братьев и сестер. Детям нужна семья, вот что я скажу вам, друзья мои! И если вы сами не хотите об этом заботиться – что ж, придется позаботиться мне!

– Послушай, старик! Ты что же, думаешь, эта старуха родит мне детей?

Фергюс пожал плечами:

– Она была первой, кого я нашел.

Калем стоял, не проронив ни слова.

Эйкен, однако, не мог удержаться:

– Где ты искал ее – ночью, в пещере? – Он покосился на Калема. – Фергюс, должно быть, отыскал ее, роясь в отбросах в поисках глаза тритона. – Старик бросил на Эйкена рассерженный взгляд. – Жабьей кожи? Или крыльев летучей мыши?

– Как тебе угодно, Эйкен Мак-Лаклен. А все-таки вам с братом нужно жениться.

– И ты, значит, хочешь, чтобы такая вот старая гримза стала матерью наследника рода Мак-Лакленов?

Эйкен расхохотался.

Фергюс поскреб подбородок.

– Ну... Зато она согласилась приехать бесплатно.

– Бесплатно? – Калем так и вскинулся, глядя на Фергюса.

– Ну да.

Ошеломленный, Калем стал припоминать всех тех женщин, которых доставлял на остров Фергюс, и мысленно принялся их считать – деньги и женщин.

– Ты хочешь сказать, что все это время платил им? – Фергюс в ответ промолчал; сомнений не оставалось – так оно и было. – Ты, значит, платил им за то, чтобы они приезжали сюда, тогда как я только и делал, что твердил тебе: никаких невест, никаких жен, никаких женщин?

– Мне не всем приходилось платить.

– Ну и сколько же их было?

Фергюс молчал, но губы его шевелились, пока он считал. Наконец он взглянул на Калема:

– Шестнадцать.

Эйкен расхохотался; Калем понимал почему. В прошлом году Фергюс заманил на их остров восемнадцать невест.

– Вот видишь, брат, две все-таки согласились приехать бесплатно, – заметил Эйкен, и по лицу его было видно, что он еле сдерживается, чтобы снова не рассмеяться.

– Эти жалкие болваны с побережья воображают, будто Мак-Лаклены – привидения, – с негодованием бросил Фергюс.

Старик подождал с минуту, точно надеялся, что Калем или Эйкен заговорят. Однако они оба молчали; тогда он посмотрел на Калема с вызовом. Потом опять подбоченился:

– Почему ты кричишь на меня, Калем Мак-Лаклен? Ты же сам заплатил последней, чтобы она убралась отсюда.

– Все потому, что она то и дело лезла к нему в постель, старина. – Эйкен взглянул на Калема: – Зря ты не женился на ней. Тогда даже Фергюс не смог бы сказать, что ты не считаешь старинные обычаи клана.

Калем не понял, о чем это Эйкен толкует, и, покосившись на Фергюса, заметил, что тот тоже ничего не понимает.

Эйкен усмехнулся, глядя на них обоих:

– Ты, как и наши предки, спал бы, положив рядом с собой боевой топор.

Никто не засмеялся, и Эйкен, пожав плечами, что-то пробормотал насчет того, что, к сожалению, люди из клана Мак-Лакленов начисто лишены чувства юмора.

Калем опять повернулся к Фергюсу:

– И сколько же ты платил им?

– Я не записывал.

Калем принялся расхаживать по комнате, ероша свои черные волосы и вспоминая, как в течение двух месяцев он бегал от трех разных женщин, когда из-за внезапной непогоды они никак не могли вернуться на материк. Это было просто ужасно.

– А эта рыженькая девчушка – она не кто-нибудь, а Мак-Ганней из Новой Шотландии, той, что в Канаде, – возвестил Фергюс с гордостью. – Ну чем не пара для тебя?

Калем остановился:

– Это та истеричка с космами, торчащими во все стороны?

– С космами? Ты бы видел ее глаза! – пробормотал себе под нос Эйкен; он содрогнулся.

– Чистокровная шотландка – вот кто она! – Фергюс как будто даже стал выше ростом; он выкатил грудь колесом. – Ее мать была...

– Сестрой ее отца, – договорил за него Эйкен, потом расколол одной рукой сразу три ореха и широко улыбнулся, глядя на Фергюса.

Фергюс на мгновение умолк, вне себя от возмущения, потом отвернулся и сердито направился к выходу. Он что-то бормотал насчет недостойного отпрыска рода великих Мак-Лакленов, пока не налетел на лепное украшение на двери.

Ошеломленный, старик постоял так с минуту, ткнувшись лбом в картуш, точно пригвожденный к дверям. Он что-то шептал, озираясь и пытаясь сообразить, где он и что это с ним произошло; потом повернулся и с яростью воззрился на Эйкена, после чего устремил свой пронзительный взор на бюст Роберта Брюса.

– Вам нужно жениться. И я не успокоюсь, пока вы оба не найдете себе жен. Кому-нибудь придется позаботиться о крови Мак-Лакленов, о том, чтобы их род не угас.

И он, тяжело ступая, вышел из комнаты.

– Если только ты вздумаешь привезти на этот остров еще хоть одну женщину, то единственной кровью членов рода Мак-Лакленов, о которой кому-либо придется заботиться, будет твоя, Фергюс! – крикнул Калем ему вдогонку.

Послышались грохот и громкое гэльское проклятие. Через несколько секунд входная дверь хлопнула.

С минуту оба брата молчали. Наконец Калем выдвинул ящик стола и вынул мешочек с деньгами. Он бросил его Эйкену.

– Заплати им еще, чтоб они убрались, и пусть кто-нибудь доставит их на берег.

– Мне придется поехать в школу. – Эйкен поднялся и взял письмо. – Я заберу их оттуда.

Он было направился к двери, но задержался у бюста Роберта Брюса. Эйкен потрепал его по макушке. Подражая Фергюсу, он произнес:

– Не волнуйся, Робби, дружок. Тебе нужно жениться, вот что, парень, и уж старый Фергюс позаботится об этом. Он скоро привезет тебе Венеру Милосскую – жди со дня на день!

– Вряд ли ты бы так веселился, если бы они гонялись за тобой.

Эйкен в ответ лишь рассмеялся, как и обычно, когда Калем в очередной раз попадал в подобную передрагу.

– Слушай, ты, главное, увези этих женщин. Заплати им, откупись от них как угодно. Мне вовсе не улыбается, чтобы они торчали на острове, как те в прошлый раз.

Эйкен дважды прищелкнул языком, и жеребец подбежал к нему. Одним неуловимым движением Эйкен вскочил в седло. Опираясь о луку седла, он улыбнулся Калему:

– Не беспокойся, брат. Я обо всем позабочусь.

Он пригнулся, припав к холке лошади, и выехал из библиотеки. Однако уже в дверях Эйкен задержался и обернулся.

– Я прослежу, чтобы этих женщин забрали с острова. – Он шутливо отсалютовал Калему и добавил: – Но не раньше, чем будут готовы пироги.

Глава 6

*Если кто-нибудь обидел тебя и ты не уверен,
умышленно он это сделал или нет, – не стоит
прибегать к крайним мерам; ты просто выжди,
пока не подвернется удобный случай,
и стукни его по голове кирпичом.*

Марк Твен. Советы юношеству

– Учитель арифметики не мог прийти в себя минут пять, мистер Мак-Лаклен.

Гнусавый пронзительный голос мисс Вирсавии Харрингтон проникал сквозь ореховые двери, отделявшие кабинет директрисы от маленькой приемной.

Семилетняя Кирсти Мак-Лаклен ткнула локотком под ребро своего брата Грэма и, прощмыгнув мимо него, прищипнула глазом к замочной скважине в двери приемной.

– Я ведь первый сюда пришел, – заныл Грэм вполголоса.

Девочка обернулась, почти вплотную приблизив к нему рассерженное личико; обычно это оказывало нужное действие.

– Тсс! Из-за тебя мне ничего не слышно.

Грэм обозвал ее чертовкой, едва разжимая губы, однако Кирсти на сей раз предпочла пропустить это мимо ушей. Если Грэма стукнуть, он может завопить, и тогда их обоих прогонят. Она лишь подвинулась так, чтобы брат ничего уже не смог разглядеть из-за ее спины и юбок, потом слегка повернула голову, чтобы получше видеть отца.

Тот стоял, легонько опираясь рукой о мраморную каминную полку в изысканном кабинете Харрингтон-Холла, сплошь заставленном тонконогими столиками и овальными креслами с позолотой, чьи уродливые ножки выгибались, точно взметнувшись вверх кулаки, предупреждавшие, что лучше вам держаться от них подальше. На холодном деревянном полу лежали турецкие коврики с каким-то непонятным темно-синим узором – похоже, это были деревья. Странно, неужто в Турции деревья и в самом деле синие, с удивлением раздумывала Кирсти, а хрупкие на вид, изящные безделушки, расставленные по всему кабинету, вечно смущали ее, когда ей доводилось бывать здесь. Казалось, эти фарфоровые фигурки могут превратиться в осколки, даже если заговорить чуть погромче.

Кирсти подумала, что отец ее столь же неуместен в кабинете Харрингтон-Холла, как и сама она в этой школе. Странно было видеть его здесь. Ей была знакома эта комната; девочка провела в ней немало неприятных минут, стоя перед огромным, сурово-чопорным столом мисс Харрингтон, в то время как директриса наставляла ее относительно поведения, приличествующего истинной маленькой леди и уж тем более ученице школы Харрингтон.

Так что видеть отца, с его громадными сильными руками, в окружении этих нежных, из тончайшего французского фарфора, статуэток было довольно странно. По мнению Кирсти, отец был неотделим от острова – она представляла его скачущим верхом на одном из своих жеребцов или стоящим под громадным раскидистым деревом, почти касаясь головой самых высоких веток.

В памяти Кирсти хранилось не очень-то много воспоминаний об отце, однако она помнила, как замечательно тот умел ездить верхом. Девочке чудилось, что он и ее брал с собой на прогулку. Кирсти только никак не могла понять, то ли это случилось тогда, когда она была еще слишком мала, чтобы что-то запомнить, то ли все это происходило всего лишь в ее воображении.

Воспоминания путались с реальностью; мысленно она видела его темные от загара руки, сжимавшие широкие кожаные поводья могучего скакуна; он указывал ей на яркий жемчуж-

ный шар луны в вышине, объясняя, что туманное кольцо вокруг него предвещает скорый дождь. Иногда среди ночи, когда другие дети спали, Кирсти, завернувшись в шерстяное одеяло, сидела, скрестив ноги, под окном, глядя вверх, на просторное темное небо над головой. И если луну окружал ореол, она всегда вспоминала об отце.

И вот теперь она могла смотреть на него, видеть его воочию. Кирсти еще плотнее прижалась глазом к замочной скважине. В руке у отца было письмо, и он разглядывал его с серьезным, задумчивым видом. Хотелось бы ей знать, о чем он думает, глядя на это письмо? Может быть, о них? О ней и о Грэме?

Они-то думали именно о нем, гадали, что он может делать в эту минуту. В то время как все были уверены, что они погружены в изучение географии, Кирсти ничуть не волновало, ни где находятся Гималайские горы, ни откуда и куда течет Ганг.

Ее волновало лишь одно – где ее отец. У них с Грэмом никого, кроме него, не осталось. И если они однажды проснулись и неожиданно узнали, что у них больше нет мамы, значит, то же могло произойти и с отцом. С кем угодно.

После этого открытия Кирсти никогда не могла уже спать – спокойно и часто просыпалась, дрожа и заливаясь слезами. Она ненавидела себя за эту слабость и таскала у ребят подушки и одеяла, чтобы заглушить звук, если она вдруг проснется от собственного крика.

«Интересно, бывают ли у отца ночные кошмары?» – подумала Кирсти. Вспоминает ли он когда-нибудь об их матери, как она? Плакал ли он, когда она их покинула? Кирсти не могла себе представить отца плачущим.

Печальная истина заключалась в том, что девочка в общем-то не знала отца. Однако она стремилась к нему всей душой, потому и стояла здесь, прикинув глазом к медной замочной скважине и глядя на него.

Странно, он был вроде бы таким же, как раньше, и все-таки в нем появилось нечто новое, незнакомое. Его волосы отросли, они были теперь длиннее, чем в их последнюю встречу, и темнее, чем ее – золотисто-льняные. У отца они были цвета темного золота – такими бывают пушистые облака по краям, когда солнце садится за горы на западе. Он зачесывал волосы назад, так, чтобы они не падали на высокий лоб, и от этого лицо его было похоже на скалистые утесы острова Эрент с их острыми гранитными уступами.

Кирсти вспомнила, как однажды она попыталась вылепить портрет отца из клейкой массы, приготовленной из пшеничной муки, когда у них было занятие в художественном классе, но ей, с ее маленькими нежными пальчиками, так и не удалось передать его суровые черты. Для того чтобы их высечь, нужно было что-нибудь острое, вроде ножа. Однако, согласно школьным правилам, ножи использовать запрещалось, даже на уроках по лепке; это так раздосадовало девочку, что она вместо портрета отца слепила мисс Харрингтон верхом на помеле, после чего ей пришлось провести несколько часов, сотню раз выводя на доске печатными буквами: «Впредь я буду относиться к наставникам уважительно».

Это было прошлой весной. Теперь же стоял конец лета, и жар его оставил свой след на лице отца. Его кожа покрылась темным загаром под яростным солнцем, палившим над островами. Кирсти радовалось, что лицо у отца темное, словно скорлупа орехов пекана, падавших на землю за окном, а не такое молочно-бледное, как у учителя математики, отчего тот казался болезненным и жалким.

Уж ее-то отец не был ни болезненным, ни жалким. Достаточно было взглянуть на него, чтобы в этом убедиться. Он был настоящим великаном. Девочка едва доставала головой ему до пояса. Когда она запрокидывала голову, глядя на него снизу вверх, он казался ей таким же высоким и стройным, как сосны на острове, почти таким же высоким и стройным, каким, ей думалось, был Господь Бог.

Отец не появлялся в их школе уже несколько месяцев, со времени получения того последнего злосчастного письма. Тогда они с Грэмом окунули Честера Фэрради головой в ведро для

мытья полов. Отец Честера был губернатором штата, так что эта их выходка вызвала грандиозный скандал. Но Честер сам виноват. Этот тупица болтал всякие глупости и гадости. Ее семья – вовсе не шайка ужасных привидений и чудовищ, которые снимают мечами скальпы с мужчин и похищают женщин, завернув их в свои клетчатые пледы и исчезая вместе с ними в тумане, чтобы там-то уж с ними побаловаться. Кирсти не совсем понимала, что значит «побаловаться», но она была уверена, что Мак-Лаклены ничего такого не делают, ведь Честер Фарради – просто безмозглый болван.

Да, настоящий болван. Мак-Лаклены не едят маленьких детишек, поджаривая их на вертеле, и не готовят на ужин похлебку из крыльев летучих мышей и из жаб. Хотя Кирсти хотелось бы и вправду быть колдуньей; тогда она могла бы превратить Честера Фарради в жабу, а потом, кто знает, может, кто-нибудь и сварил бы из него похлебку.

Так или иначе, а Честер был сам виноват. Он хотел подговорить других мальчишек, чтобы те повалили Грэма и Кирсти на землю, и стянуть с них башмаки и чулки, чтобы проверить, не копыта ли у них вместо ног. Но Кирсти ушипнула его изо всех сил и, вырвавшись, убежала. Она должна была что-то сделать. Грэм не стал драться с мальчишками, и к тому же этот жалкий болван Честер стоял рядом с ведром для мытья полов. Если бы он не хотел, чтобы его окунули туда головой, он не стал бы так глупо стоять рядом с ним.

– Дай же и мне посмотреть! – не отставал от нее Грэм, тыча пальцем ей в спину.

– погоди минутку.

Кирсти слегка повернула голову и увидела костлявую веснушчатую руку мисс Харрингтон, вертевшую серебряный нож для разрезания бумаги, пока та говорила. Здесь же, на столе, лежала и деревянная линейка, та самая давняя знакомая Кирсти и костяшек ее пальцев; они были знакомы так близко, что кричали «Здорово!», встречаясь друг с другом. Во всяком случае, Кирсти представлялось, что они так кричат. Когда воображаешь что-либо подобное, вроде и не так больно, так что можно удержаться и не заплакать, чтобы никто не догадался, как болезненно-жгучи на самом деле удары линейкой.

Продолжая говорить, мисс Харрингтон снова и снова тыкала серебряным ножом для бумаги в зеленую промокашку. Кирсти почти тотчас сообразила, что нож служит ей для того, чтобы подчеркивать местоимения и существительные, – грамматика была любимым предметом Кирсти.

– Ваши дети совершенно не признают никакой дисциплины!

После слов «ваши дети» нож для разрезания бумаги ткнулся в стол и задрожал, как стрела, попавшая в яблочко.

– Харрингтон-Холл имеет безупречную репутацию, мистер Мак-Лаклен. Наша школа известна как одно из лучших учебных заведений в Новой Англии. Бывшие воспитанники Харрингтона ныне – столпы нашего общества. Еще не было такого, чтобы мы не обратили даже самых непослушных и строптивых детей в истинных юных леди и джентльменов. Наш успех, – как я уже вам говорила, когда вы отдавали нам ваших сына и дочь, – неизменно был стопроцентным.

Мисс Харрингтон кашлянула, и в комнате воцарилась мертвая тишина. Молчание длилось так долго, что Кирсти уже не хватало дыхания.

– Вплоть до нынешнего дня. – Мисс Харрингтон положила свои тощие бледные руки на письменный стол и, выпрямившись, застыла. – Теперь же создалась совершенно невозможная ситуация. Мне очень жаль, мистер Мак-Лаклен, но я вынуждена просить вас забрать ваших детей из Харрингтон-Холла немедленно.

Кирсти повернулась к Грэму.

– Сработало! – в восторге выдохнула она.

– Я тоже хочу посмотреть! – прошипел в ответ Грэм, пытаясь оттолкнуть ее от двери. Кирсти наступила ему на ногу и свирепо уставилась на брата, пока тот не сдался.

– погоди, – пробормотала она, почти не разжимая губ, и снова прильнула к замочной скважине. Отец сунул руку в карман пиджака и извлек оттуда туго набитый кошелек.

– Сколько? – донесся до Кирсти его вопрос.

В груди у нее все заледенело, дыхание почти прервалось.

– Деньги тут ни при чем.

Выражение лица отца внезапно изменилось. Он быстрыми широкими шагами прошел через комнату.

– Мои дети должны учиться в школе. Я еще раз поговорю с ними.

Нет! Нет! Нет! Кирсти с такой силой вцепилась в стеклянную ручку двери, что острые отточенные грани впились ей в ладонь.

Мисс Харрингтон, Господь благослови ее линейкой-наказательную, с доски-тряпкой-стирательную и пальцем-в-угол-указательную старую морщинистую душу, покачала головой и протянула ему конверт.

Отец посмотрел на него.

– Это банковский чек с остатками суммы, внесенной за обучение, – объяснила мисс Харрингтон, потом добавила: – За вычетом штрафов, платы за услуги врача и тому подобное.

Теперь уже отец, опершись руками о стол, нагнулся к мисс Харрингтон.

– Здесь нет других подходящих школ. Должен же быть какой-то выход.

Желваки на его скулах напряглись, как бывало, когда они с дядей Калемом ссорились; слова звучали со сдерживаемой яростью, падая тяжело, размеренно. Неужели он злился? Прорезки их неожиданно явились перед Кирсти в новом свете: оказывается, они так важны для отца, что он даже может разозлиться из-за этого.

– Мне очень жаль, но вам придется забрать ваших детей домой.

– Я не могу взять на себя заботу о двоих детях.

В голосе у отца прозвучало нечто похожее на панику, и он уставился на мисс Харрингтон одним из этих «послушайте-ка-меня» взглядов, которые всегда наготове у взрослых, когда что-нибудь оборачивается не так, как бы им хотелось.

Кирсти на мгновение прикусила губу. Она никогда еще не слышала, чтобы у отца был такой голос – почти испуганный, – и это немного смутило ее, заставило задуматься, пока она не вспомнила, что их план сработал.

Они с Грэмом возвращаются на остров. Домой. Пусть им даже придется ответить за все, что они натворили, но это – единственная возможность хотя бы попытаться завоевать любовь отца, а для этого они с Грэмом должны быть с ним рядом постоянно, день за днем, а не сидеть взаперти в этой дурацкой, никчемной школе среди людей, которые терпеть их не могут.

– Но вы их отец, мистер Мак-Лаклен. И вам придется позаботиться о них.

Мисс Харрингтон вышла из-за письменного стола и направилась к двери, отец – за ней.

– Ваши дети ожидают в соседней комнате.

Кирсти быстро отскочила от двери и повернулась к брату:

– Ладно уж, Грэм. Теперь твоя очередь.

Девочка отошла, и Грэм пробрался к замочной скважине.

«До чего же глупы и нетерпеливы эти мальчишки», – подумала Кирсти со вздохом.

Спустя мгновение дверь распахнулась... и Грэм плюхнулся на пол, прямо к ногам отца.

Глава 7

Не следует, созорничав, сваливать все это на брата; ведь можно с таким же успехом свалить все это на другого мальчишку.

Марк Твен. Советы юношеству

Кирсти стояла, закинув голову, не отрывая глаз от отца. Он, однако, не смотрел на нее. И он, и мисс Харрингтон смотрели на Грэма: тот все еще лежал на полу; лицо его мало-помалу стало заливаться краской и вскоре запылало под стать его огненным волосам. Он медленно повернулся, глядя недоуменно, растерянно, пока не заметил Кирсти.

Глаза ее брата сузились. Он выпятил нижнюю губу и выдвинул вперед подбородок. Девочке был знаком этот взгляд. Она как можно шире распахнула глаза и пожала плечами.

Но на него это ничуть не подействовало; тогда она вскинула голову, глядя на отца все теми же большими удивленными глазами. На этот раз ее уловка удалась. Она сумела привлечь его внимание настолько, что целых два раза успела жалобно моргнуть и сделать невинное личико.

И тут брат кинулся на нее. Они повалились на ковер, но Кирсти удалось нанести очень ловкий удар. Она вывернулась и тотчас же как следует ущипнула его. Пока тот вопил, Кирсти оседлала его, усевшись к нему на живот. Конечно, Грэм больше и старше ее, но она не позволит ему взять над ней верх. Еще чего, какому-то мальчишке!

Кирсти услышала крик мисс Харрингтон. Резкий, пронзительный, как верещанье сойки. Краем глаза девочка заметила, как та схватила две синие фарфоровые птички с покачнувшегося соседнего столика, прижав их к своей тощей, иссохшей груди.

Прежде чем Кирсти успела еще раз как следует двинуть брата, отец поднял ее, оторвав от Грэма и поставив прямо перед собой так близко, что девочка почувствовала тепло его тела и ощутила его запах – нечто вроде запаха моря и кожи. Если принюхаться, она бы уловила даже терпкий аромат сосновых иголок – запах их острова. От отца пахло домом.

Девочка подняла на него глаза.

Лоб его был нахмурен, брови почти сошлись у переносицы – вид был и вправду суровый.

– Стой смирно. Не двигайся, – сказал он твердо, но без злости, потом перевел взгляд на Грэма.

Кирсти сделала было два маленьких, еле заметных шажка, но тут же замерла – отец мгновенно обернулся, глядя на нее с подозрением.

Стоя смирно, не шелохнувшись, девочка одарила его своей самой лучезарной улыбкой.

Отец моргнул и мгновение смотрел на нее; выражение лица его было какое-то странное, словно бы он вдруг увидел перед собой незнакомку. Он отвел глаза и слегка покачал головой, потом снова нахмурился, глядя вниз, на ее брата; тот по-прежнему лежал на полу.

– Вставай, Грэм!

– У меня живот болит. Она ударила меня?

– Я все прекрасно видел. Ты первый начал.

– Но она...

Отец поднял руку, и Грэм тут же умолк.

Кирсти была потрясена. Ей-то нужно было как следует ущипнуть братишку или с силой наступить ему на ногу, чтобы тот замолчал.

– Мальчишки не должны бить девочек.

– Но она же не девочка, папа, – захныкал Грэм. – Она же моя сестра!

Вечно эти мальчишки хнычут, с неприязнью подумала Кирсти. Да и взрослые мужчины тоже хороши! Учитель арифметики жалуется и ноет, когда класс не понимает того, что он

пытается объяснить им, и школьный сторож тоже ныл, когда Честер Фарради вытащил свою мокрую голову из ведра и испачкал только что им вымытый пол. Пастор – и тот всегда ноет, когда они не выучат наизусть заданный из Библии стих.

«Интересно, а Бог тоже ноет?» – подумала Кирсти. Потом она вспомнила библейскую историю о сотворении мира, которую они читали в воскресной школе. Адам пожаловался Богу, что это Ева дала ему яблоко. Сообразив это, Кирсти решила, что Господь Бог, пожалуй, тоже ноет и жалуется, он ведь создал Адама по собственному образу и подобию; и в Библии все мужчины ноют и жалуется, а ведь Библия – слово Божие.

Кирсти стояла не двигаясь, глядя в лицо отца, а тот смотрел вниз, на Грэма. Брат ее моргнул пару раз, потом медленно перевел глаза на отца и сглотнул так громко, с наугой, что Кирсти показалось, будто она услышала, как ухнуло его адамово яблоко. Ей даже стало немного жаль Грэма. В конце концов, это ведь она его подвела. Она просто-напросто не могла упустить такую прекрасную возможность взять верх над кем-либо, и уж тем более над собственным братом, который частенько шепотом, еле слышно обзывал ее чертовкой.

Девочка вздохнула.

Отец повернулся к ней; лицо его было непроницаемым, он только пригладил рукой свои золотистые волосы. Он отвел глаза и какое-то мгновение, показавшееся ей бесконечным, пристально разглядывал пол, потирая лоб, прямо как мисс Харрингтон, вечно страдавшая от приступов мигрени, случавшихся, похоже, всякий раз, когда дело касалось Кирсти.

– Я вас оставляю, чтобы дать вам возможность освоиться с вашими детьми, мистер Мак-Лаклен. Их вещи уложены и сейчас, вероятно, уже стоят у подъезда. Всего хорошего, сэр.

Старушка мисс Харрингтон вздернула кверху свой острый подбородок. Она повернулась и «прошептывала» – одно из словечек, которые они учились писать на этой неделе, – за дверь, все так же прижимая к груди хрупких фарфоровых птичек, точно один из тех полудобрых рыцарей, что дали обет уберечь святыне от язычников. Кирсти хорошо запомнила рассказ об этих рыцарях, поскольку никак не могла взять в толк, как это грешники, пусть даже наполовину, могли дать обет оберегать святыне во славу Божию.

Отец смотрел, как закрылась дверь; затем наконец он медленно обернулся, переводя взгляд с нее на брата, который все еще сидел на полу.

– Вставай, Грэм! – только и сказал он.

Когда брат поднялся, Кирсти быстро шагнула вперед, пока он еще не сделал или не ляпнул какую-нибудь глупость. К тому же она чувствовала себя перед ним в долгу. Ведь он все-таки ее брат.

– Папа!

– Да?

Кирсти улыбнулась лучезарно, как могла; секунды две она стояла с этой улыбкой, потом сказала:

– Я не кидала кирпич из окна на голову мистеру Эпплбаю.

Отец не отозвался, он только смотрел на нее, точно стараясь по ее лицу догадаться, правду ли она говорит или лжет. Поскольку, как обычно, в словах ее было и того и другого понемножку, Кирсти считала, что ей нечего опасаться.

– И Грэм тоже ничего такого не делал.

Она подвинулась, слегка заслоняя брата, и украдкой толкнула его в бок локотком:

– Правда ведь, Грэм?

Глаза у брата полезли на лоб от ее тычка, и он энергично кивнул головой. Он все-таки не был так глуп, как другие мальчишки.

– Наверное, этот кирпич просто с неба свалился.

– Ну, не совсем.

Смотреть отцу прямо в глаза было нелегко. Похоже, он понимал куда больше, чем большинство взрослых, и больше, чем хотелось бы Кирсти.

Еще мгновение – и он расхохотался, однако смех его был далеко не веселый.

– Ну что ж, хоть однажды за всю свою долгую жизнь этот старый проныра Фергюс был прав.

– В чем прав, папа?

– В том, что мне нужно, – отозвался отец рассеянно.

Вот она – прекрасная возможность переменить тему.

– А что тебе нужно?

Отец ничего не ответил; молчание, казалось, тянулось бесконечно. Он пристально смотрел на свои руки, рассеянно крутя золотое кольцо на пальце. Мысли его были где-то далеко; Кирсти видела это. Взгляд у него был отсутствующий – такой бывает у людей, когда они заблудятся и, оглядываясь, соображают, куда же им двигаться дальше. Девочка раздумывала, что мог иметь в виду Фергюс, говоря, что отцу что-то нужно, и имеет ли это какое-либо отношение к ним с Грэмом.

Ее мучило любопытство:

– Так тебе что-то нужно, папа?

Кирсти стояла, скромненько, как пай-девочка, убрав руки за спину и легонько покачиваясь с носка на пятку в своих кожаных, красных с пуговками, туфлях.

Отец взглянул на нее так, будто немало удивился, откуда она здесь?

Неужто он и вправду мог так быстро забыть про нее? Сердце ее слегка сжалось, и Кирсти перестала покачиваться; она вся напряглась и стояла не шелохнувшись. Девочка чуть вздернула подбородок, стараясь скрыть свои чувства.

Отец покачал головой:

– Тебя это совсем не касается.

Кирсти молчала. Ей было страшно.

Отец как-то странно взглянул на нее.

– С тобой все в порядке? – Девочка кивнула. – Ты что-то побледнела. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да.

Кирсти помолчала, потом сообразила, что, наверное, ему это не безразлично, раз он выглядит таким обеспокоенным.

– Здесь просто очень душно.

Отец озадаченно огляделся.

– Да, иногда здесь бывает так душно, что нам прямо-таки нечем дышать. – Она опять ткнула брата. – Скажи, Грэм!

Тот кивнул, затем воззрился на сестру с недоумением. Кирсти испугалась, что отец может заметить этот взгляд, и ущипнула братишку.

– Смотри, даже у Грэма бледный вид.

Теперь она полностью завладела вниманием отца, судя по тому, как тот пристально смотрел на нее.

– В классах совершенно нет свежего воздуха, и окон в них нет, и...

Кирсти, согнув пальчик, поманила к себе отца. Когда тот наклонился к ней, девочка прошептала:

– Дети, случается, теряют сознание. Правда! – Она кивнула. – Падают в обморок. Как-то раз Элис Уайтинг хлопнулась в обморок прямо посреди урока истории. Бац! – Кирсти хлопнула в ладоши. – И на парту морд... – Она прикусила язык, сглотнула. – И на парту лицом. – Девочка старалась угадать по выражению лица отца, что он об этом думает, но, ничего не добившись,

добавила: – И не только Элис. Сколько раз такое случалось! Я могу рассказать тебе целую кучу подобных историй, папа.

– Ну, еще бы! – Отец кивнул; на лице его было задумчивое и странное выражение, словно бы он знал какую-то тайну. – Я уверен, что у тебя в голове и вправду целая куча всяких историй.

Он по-прежнему пристально смотрел на нее. В эту минуту Кирсти подумала, что, пожалуй, бывают моменты, когда внимание отца, обращенное полностью на тебя, не такая уж прекрасная вещь.

– Что мне хотелось бы услышать, так это историю о том, что же произошло с учителем арифметики.

Кирсти и Грэм как воды в рот набрали.

Скрестив свои громадные руки, отец смотрел вниз, на нее.

– Я жду.

– Ну...

Кирсти, тяжело, протяжно вздохнув, устала на носки своих туфель. Она надеялась, что вид у нее при этом будет не такой виноватый, – просто на случай, если вдруг станет заметно, что она привирает.

– Это вообще-то длинная история.

Отец открыл дверь и жестом пригласил их следовать за собой.

– Пойдемте! У меня впереди много времени, чтобы все это выслушать.

Они с Грэмом направились к выходу, держась рядом, плечом к плечу, однако уже у двери Кирсти пропустила брата вперед, а сама остановилась в проходе.

Девочка вскинула голову, пытаясь что-то разглядеть в лице отца. Кирсти и сама толком не знала, что она ищет, но это было что-то очень важное для нее.

Ничего не случилось; тогда, очень медленно, девочка протянула руку к отцу. Сердце ее билось отчаянно, как клювики птичек весной, упорно долбящих стволы деревьев; внезапно ей захотелось отдернуть руку. Что, если он не возьмет ее?

Отец смотрел на ее руку. Смотрел как будто испуганно, хотя думать так было, разумеется, глупо. Ее отец ничего не боялся. Ни огромных коней. Ни грома. Ни ливня. Он не боялся ни смерти, ни одиночества. Его, конечно же, не мучили ночные кошмары, и он не просыпался от собственного крика. Кирсти на что угодно могла бы поспорить, что он не испугался бы даже тех рыцарей-ползудеев.

Казалось, она ждала вечность; лишь тиканье старых часов раздавалось в холле, и рука ее все больше и больше немела, пока она стояла вот так.

Отец наконец наклонился и взял ее руку в свою – твердую, мозолистую. Кирсти с облегчением вздохнула; она и не заметила, что перестала дышать. На душе у нее стало так радостно, будто бы она только что вволю наелась всяких вкусностей.

Рука его, сжимавшая ее руку, была теплой; это было необычное ощущение – чувствовать его руку, почти столь же прекрасное, как если бы он и в самом деле сделал вдруг что-то невероятное, к примеру, подхватил бы ее на руки и обнял.

Они вместе вышли из комнаты и прошли по широкому коридору, где по стенам тянулись ряды портретов с кислыми, унылыми лицами – все лучшие ученики Харрингтона со дня его основания.

Кирсти остановилась у самого отвратительного.

– Знаешь, кто это?

– Кто?

– Губернатор Фарради. У него такой вид, будто он уксусу наглотался.

Отец посмотрел на портрет.

– У них у всех такой вид, словно они уксусу наглотались, – добавила Кирсти.

Отец взглянул на ряд портретов, уходящих в глубь коридора, и расхохотался.

Это было лучшее, что она когда-либо слышала. Кирсти протащила отца за собой несколько шагов, потом он слегка обогнал ее, и Кирсти приходилось бежать вприпрыжку, чтобы поспеть за его размашистым шагом.

Но это ничего. Она только жала его руку чуть крепче, вспоминая, как он смеялся.

К тому времени как они поравнялись с Грэмом, настроение у Кирсти заметно улучшилось. И впервые за целую вечность она не ощущала того беспокойства и страха, которые, как ей казалось, вечно крались за ней по пятам, словно призрачное чудовище, что вот-вот ее схватит, и она закричит и заплачет.

Нет, теперь и она, и отец, и брат – все они вместе спускались по широкой лестнице, рядом, бок о бок – Грэм по левую руку от отца, а Кирсти – по правую.

– Я все еще надеюсь услышать эту длинную историю, Кирсти.

Девочка остановилась, глядя вниз, на последние две ступеньки. Она сдвинула ноги и прыгнула. Если ее туфельки не будут касаться друг друга, когда она приземлится, отец не поверит ее рассказу. А если будут – поверит.

Кирсти приземлилась, пристально глядя вниз, на свои красные кожаные туфельки. Они прижимались друг к другу плотно, как будто приклеенные. Девочка улыбнулась, потом постаралась придать своему личику самое что ни на есть серьезное выражение и подняла глаза на отца:

– Это была вовсе не наша вина. Кирпич, я имею в виду.

Тот ответил ей весьма недоверчивым взглядом, но это не охладило Кирсти. Они наконец спустились в фойе. Девочка потащила отца за собой, к огромным парадным дверям Харрингтон-Холла, которые словно бы вырастали, по мере того как они подходили к ним. У Кирсти просто все замирало внутри, как бывало, когда она томилась в ожидании чего-нибудь особенно важного: Рождества, или дня рождения, или приезда отца.

Они подошли к горе сундуков и баулов с вещами ее и Грэма, и Кирсти захотелось бежать за эти двери, на улицу, бежать как можно быстрее, потому что там, за дверями, всего в каких-нибудь нескольких шагах, были свобода и дом.

Однако отец остановился, глядя на нее и ожидая объяснений, которые девочка еще не успела придумать. Кирсти набрала в грудь побольше воздуха, скрестила пальцы левой руки у себя за спиной и, подняв голову, прямо посмотрела в лицо самого главного для нее человека на свете.

– Понимаешь, папа, – начала Кирсти и потянула его за руку свободной рукой, заставляя его наконец выйти на улицу. – Все произошло из-за... из-за...

Она помолчала, и неожиданно оправдание снизошло на нее, как вдох... вдох... вдохновение. Ф-ф-фу! Ей как раз не хватало этого слова, а ведь они его писали в диктанте.

Они остановились на крыльце, у подъезда Харрингтон-Холла, и Кирсти почувствовала, что пальцы отца больше не сжимают ее руку. Он хотел их разжать, быть может, для того, чтобы снова скрестить руки на груди с этим своим прежним «я жду объяснения».

Кирсти не смотрела на Грэма; тот давно уже привык оставаться в стороне, предоставляя сестре объясняться. Она только крепче стиснула руку отца, вцепилась в его сильные пальцы, не давая ему их высвободить. Потом встретила его испытующий взгляд, стараясь смотреть так же твердо и прямо, и сказала очень серьезно:

– Все произошло из-за Честера Фарради...

Глава 8

*Куда же мне устремиться,
Коль дружба ветшает,
А из Любви золотой колесницы
Спицы блестящие выпадают?
Когда верное сердце черствеет,
А любящее – далеко,
О, у кого ж хватит мужества
Жить одному в этом мире жестоком?*

Томас Мур

– Возьми его, Уильям.

Эми протянула руку с обручальным кольцом с изумрудом; ей казалось, оно жжет ей пальцы, выжигая на ладони одно только слово: «Обманута».

Лицо Уильяма еще больше побледнело в лунном свете, струившемся на ухоженные сады имени Бэйрдов. Он посмотрел на нее – посмотрел по-настоящему, внимательно – впервые за весь этот вечер.

– В чем дело, Эми? Что еще за глупость ты выдумала?

Он не смотрел на нее... весь вечер. Эми в первый раз заметила это сегодня, потом с удивлением подумала, что, может быть, так было всегда, а она просто витала в своих фантазиях, воображая, что любима; она решила наконец признать очевидное: человек, по ее убеждению, влюбленный в нее, не мог даже прямо взглянуть ей в глаза.

– Я прошу тебя взять кольцо. – Он словно окаменел. – Я все понимаю, Уильям. Тебе больше не нужно притворяться. Я знаю.

– Что ты знаешь?

В его голосе звучала насмешка, и это было еще более оскорбительно, чем все те стишки и острофы, которые отпускали сегодня его друзья.

Эми вздернула подбородок, моля Всевышнего, чтобы он не задрожал.

– Декабрь – это длань Господа, удушающая де Пайстеров. Ты можешь жениться на женщине ради денег и секса и все-таки любить... Пользуйся ее деньгами и телом... – Эми чувствовала, что голос ее слабеет. – И люби каждый миг этой жизни!

Уильям побагровел. Он попытался было что-то сказать, шагнул к ней, умоляюще протягивая руки.

– Прошу тебя, не надо. Даже не пытайся!

Эми вскинула руку так, чтобы он не мог ее коснуться, чтобы не заметил, как заблестели от слез ее глаза, когда она вслух произнесла эти безжалостные фразы. Эми не хотела расплакаться перед ним. Ни за что на свете. Но слова эти жгли. Они ранили слишком больно.

Еще мгновение – и она разрыдалась, всхлипывая так громко, что люди начали оборачиваться и смотреть на них. Эми стояла, окаменев от стыда, в отчаянии, не в силах сдвинуться с места, не в силах вообще что-либо сделать; она лишь сжимала кольцо и всхлипывала.

Лицо Уильяма изменилось. Он уже не пытался ее успокоить. Он суетливо, с беспокойством озирался, скользя глазами по лицам, словно стоять рядом с ней было унижительно для него.

Его друзья, те, что никогда ее не любили, подбирались все ближе, точно шакалы, почувявшие скорую добычу. Эми так сильно дрожала, что кольцо выпало у нее из рук и ударилось о каменные плиты дорожки. Звук был тихий – еле слышное звяканье; это казалось невыносимым, ведь боль ее была так безмерна!

Уильям шагнул вперед, наклонился и поднял кольцо. Он взглянул на него и засмеялся – засмеялся слишком громко, нарочито, еще более безжалостно, чем утром.

– Она расторгла нашу помолвку! – воскликнул Уильям так, чтобы все слышали, поднимая кольцо, как трофей, достойный восхищения и гордости. – Вы представляете? Она расторгла нашу помолвку!

Он так хохотал, словно Эми совершила нечто невероятно забавное.

Послышалось чье-то хмыканье, затем хихиканье и смешки.

– Слыханное ли дело? – Уильям воздел руки, с пафосом возглашая: – Эмилия Эмерсон расторгла помолвку со мной... – Он ударил кулаком себя в грудь. – Де Пайстером!

Смех нарастал, хохотал и Уильям, и стоявшие рядом. Он хлестал и жег, как пощечины.

– Похоже, эта маленькая богачка из буржуа не хочет купить себе место в обществе, и это при том, что смысленные попечители намеренно послали ее сюда, рассчитывая, что здесь она найдет себе мужа. – Он взглянул на нее с величайшим презрением. – Они употребили ее деньги и собственную власть, чтобы ее хоть кто-нибудь взял. – Он снова окинул взглядом толпу. – Ну не смешно ли?

Эми плакала, не скрываясь, не в силах сдержаться, глядя на все эти лица, смеющиеся над ней, внимая его словам. Адвокаты оплатили ее доступ в свет!

– Но я же не знала! – шепнула Эми и им, и себе самой.

Она всматривалась в каждое лицо, переводя взгляд с одного на другое, не в силах поверить, что люди могут быть такими жестокими...

Ее затуманенный взгляд скользнул, остановившись на лице Уильяма; Эми с такой ясностью увидела на нем усмешку и презрение, будто глаза ей и не застилала слезы.

– Я думала, – проговорила она, задыхаясь, – я думала, что ты любишь меня!

В глазах его была злость, но он засмеялся еще безжалостнее и громче. Эми повернулась и побежала, быстро, как только могла; каблучки ее туфель стучали по каменным плитам, и стук их отдавался у нее в ушах, точно хлопки.

Она ничего не видела перед собой; все было точно в тумане от пережитого унижения, стыда. Не глядя ни на кого, девушка протиснулась мимо маленькой, весело переговаривавшейся группы людей у столика с шампанским. Ее юбка зацепилась за что-то, Эми услышала звук рвущейся ткани и ощутила, что ее что-то держит. Она не оглянулась; схватившись за шелковый, с кружевами, подол, Эми дернула с силой, ни на секунду не останавливаясь.

Она услышала крики, потом звон бьющегося стекла, но не замедлила шаг. Девушка сбегала по каменным ступеням, стремясь убежать как можно дальше, в самый дальний угол сада, туда, где высокая каменная стена и ночная тьма скрыли бы ее от посторонних глаз.

Задыхаясь, она прислонилась к стене, прижавшись мокрым от слез лицом к холодным листьям плюща; чуть отдышавшись, повернулась и посмотрела вверх, в ночное небо, глазами, которые еще жгли слезы.

Над головой у нее были звезды и луна, недостижимые, сияющие... Считается, что люди, глядя на них, загадывают желания. Желания, надежды, мечты... Что это в действительности? Никчемные понятия, слова? Такие же, как любовь? Понимание? Доброта?

Похоже, всего этого вовсе не существует. Или они умерли, как и ее родители. Эми не верилось, чтобы отец мог обманывать ее, когда учил, что в эти слова надо верить. Девушка всматривалась в высь в поисках ответа, в поисках чего-то надежного, вечного.

Воздух был напоен благоуханием роз и жимолости, удушающим, приторно сладким. Издалека доносился шум бала: голоса, всегда столь неприветливые к ней, музыка, под которую ей так редко удавалось потанцевать, звон бокалов – словно падали звезды.

Она для них ничто. Отзвук в комнате, полной глухих людей. Эми медленно опустилась на землю, точно ноги не могли уже выдержать тяжесть ее стыда. Она вся сжалась в комочек,

уткнувшись лицом в колени и обхватив их руками. Прислонившись к колену щекой, девушка покрепче зажмурилась, чтобы слезы не могли уже больше выкатиться из глаз.

Звезды ярко сияли над головой, а она все сидела на влажной земле, залитая светом луны, слушая смех, болтовню и музыку – все это прекрасно продолжалось и без нее. Эми сжалась еще сильнее, точно, озябнув, никак не могла согреться, потом снова заплакала. У нее ведь ничего не оставалось, кроме слез.

Глава 9

*Лик полной луны, словно в холле часов циферблат;
Она озаряет грабителей, что на заборе сидят.*

Роберт Луис Стивенсон

Джорджина бежала по мощенной кирпичом дорожке к кухне, подхватив и зажав в кулачки свои юбки, расправив плечи, точно генерал, ведущий войска в наступление на неприятеля. Серебряное блюдо для омаров и подносы для крабов опустели, в саду оставались лишь двое слуг, а источник с шампанским иссяк.

Эта выскочка Эмерсон – из новых буржуа, обладавшая всеми деньгами, которые по праву должны были быть у Джорджины, только что устроила глупую сцену, разорвав свою помолвку с Уильямом де Пайстером.

Джорджина не видела ссоры, она едва знала девушку, однако подросла как раз вовремя, чтобы увидеть последствия скандала. Эта барышня куда-то метнулась, по пути умудрившись опрокинуть столик с напитками и с не менее чем дюжиной непечатых бутылок французского шампанского.

Это вечер заключения помолвок, а вовсе не их расторжения. Безмозглые глупцы! Вот кто окружает ее.

А самой глупой и безмозгой из всех была Фиби Дибон. Она так и увивалась вокруг Джона Кэбота. Ее, Джорджины, Джона Кэбота. Ее вожделенного богача Джона Кэбота.

– Фиби Дибон, – с отвращением шепнула Джорджина.

У этой девицы огромное состояние, и оно принадлежало ей лично. У ее отца были банки, судостроительные верфи и шахты, и – словно этого было недостаточно – ее бабушка по материнской линии владел половиной Портленда и львиной долей Мэна и Нью-Хэмпшира.

Фиби Дибон заливалась пронзительным блеющим смехом – резким, отрывистым, – и стоило ей очутиться рядом с мужчиной, как она принималась хлопать ресницами и ворковать. Всем было прекрасно известно, что Фиби лицемерна и фальшива насковзь.

В отличие от Джорджины ей не нужны были деньги Кэбота. И что из того, если даже ее род достаточно древен? Предки Джорджины сражались с племенами варваров бок о бок с ее предками.

К тому же, размышляла Джорджина, она ведь подцепила Джона Кэбота первая. Во всяком случае, сегодня уж она его подцепит.

Джорджина чуть ускорила шаг; тонкие каблучки ее бальных туфелек дробно стучали по мощеной дорожке, точно непогрешимая секундная стрелка бэйардовских часов. Она прошла мимо высокой каменной ограды, густо увитой плющом и пламенеющей цветами бугенвиллеи, мимо упряжки с фургоном, который, как Джорджина от всей души надеялась, был полон нетронутыми ящиками с шампанским, завернула за угол кирпичного здания кухни и угодила напрямиком в объятия какого-то мужчины.

Сильные руки обхватили Джорджину за плечи, не давая упасть. Подняв глаза, она увидела мужское лицо – столь невероятно красивое, что при взгляде на него колени у нее подогнулись и дыхание замерло.

Сзади, прямо у него над плечом, висела в небе полная луна, и его светлые волосы в лучах ее отливали золотом. Он был высокий – такой высокий, что головой едва не касался карниза здания, а плечи его были такими широкими, что она уже не видела поварской, в которую спешила.

Но главное – лицо! Именно оно было причиной того, что она, Джорджина Бэйард, девушка, умевшая подвергнуть почти все своей строгой, безжалостной оценке, стояла теперь

ошеломленная, безмолвная, не отрывая от него глаз. У него было лицо, точно изваянное из камня, прекрасное, одухотворенное, при взгляде на которое она чувствовала себя слабой, беспомощной, лицо, внушавшее ей мысль о покорности и повинении. Подобное лицо являлось ей когда-то в неясных девичьих грезах, а она уже давно научилась их гнать от себя.

На нем была кремовая рубашка с расстегнутым воротом и кожаной шнуровкой вместо перламутровых пуговиц. Здешние рыбаки и те не шнуровали рубашки; у них и то имелись пуговицы, хоть и из раковин.

Темный поношенный жилет его лоснился, мягкая кожа потрескалась от непогоды и старости. Он не был застегнут, точно незнакомец только-только набросил его. Темно-коричневые бриджи, вытертые кое-где до белизны, туго обтягивали длинные ноги. Сапоги, высокие, черные, из хорошей дорогой кожи, но совершенно потрепанные, были заляпаны грязью.

На какое-то безумное мгновение Джорджине захотелось, чтобы на нем был белоснежный шейный платок и чтобы этот незнакомец оказался богаче, чем Кэбот, Дибон или Уинтроп, вместе взятые.

Руки незнакомца все еще крепко сжимали ее обнаженные плечи. Джорджина выбрала это открытое платье умышленно – с тем чтобы ожерелье смотрелось изящно, но опускалось достаточно низко, так чтобы Джон наконец-то решился предложить ей руку и сердце. Джорджина ощущала, как шершавые, мозолистые ладони царапают обнаженную кожу.

Такие руки должны удерживать вожжи, пришло ей в голову, и тут она вспомнила о фургоне, стоявшем за кухней. Такие руки правят упряжкой и разгружают фургоны. Это руки возчика, доставляющего товары.

– Торопись, малышка?

О Боже!.. Голос у него был низкий, глубокий, такой голос доходит до самого сердца – проникновенный, мужественный голос самых упоительных девичьих грез. Грез, еще хранящих остатки целомудрия. Грез безрассудных, томительных.

Если бы у Джона был голос, как у этого незнакомца, Джорджина забыла бы, наверное, о том, что он плешив и мал ростом. Закрыв глаза в первую брачную ночь, она бы только слушала его.

Внезапно она сообразила, что выглядит, должно быть, не менее глупо, чем Фиби Дибон: стоит как вкопанная, глаза на какого-то возчика!

– Вы стоите у меня на дороге.

Джорджина окинула его уничтожающим взглядом:

– Вот как!

Незнакомец рассмеялся низким глубоким смехом; ей следовало бы возмутиться, но смех этот прозвенел в ней, отдаваясь во всех уголках ее существа. Как это глупо! Горло ее сжалось, дыхание перехватило. Не следовало пить так много шампанского, подумала было Джорджина, но тут же сообразила, что не пила ни капли.

– Я – Джорджина Бэйард.

Мужчина слегка наклонил голову, окинув девушку долгим, неспешным, бесстыдным и совершенно возмутительным взглядом. Он произнес ее имя, как будто пробовал на вкус его звучание.

– Мисс Бэйард, – поправилась она.

Он только усмехнулся.

Девушка махнула рукой в сторону фургона у себя за спиной:

– Идите и займитесь разгрузкой товара.

Она попыталась обойти его.

Он двинулся вместе с ней, скрестив руки на груди с таким самоуверенным видом, что это окончательно вывело ее из себя.

– Я занята; мне некогда терпеть ваши выходки. Идите. – Джорджина метнула на него разъяренный взгляд. – Сию же минуту. Немедленно, – закончила она ледяным тоном. Незнакомец не двинулся с места. – Я ведь, кажется, сказала: идите! Ты что, не слышал, болван?!

Джорджина попыталась оттолкнуть его локтем, но наткнулась на железные мускулы; этого она не ожидала, слишком уж он был огромен. Мужчина рассмеялся негромко; вот это уже не было неожиданностью, но девушка как будто и внимания не обратила. Она подняла на него глаза, улыбнулась ему своей самой пленительной улыбкой, захлопала ресницами, как Фиби... и с силой вонзила ему в ногу свой острый каблучок.

Он чертыхнулся и сошел с дорожки.

Джорджина подхватила свои юбки, проскользнув мимо него, но тут же поймала себя на том, что прислушивается, ожидая какого-нибудь выпада, какого-то насмешливого словца, брошенного ей вслед. Однако до нее доносился лишь отдаленный гул бала, и ей ничего не оставалось, как только идти дальше; девушка желала лишь одного – чтобы это прекрасное лицо исчезло раз и навсегда из ее памяти; еще мгновение – и она ворвалась в помещение кухни.

Дверь с грохотом отлетела к стене; Джорджина подбоченилась. Слуги, сгрудившись, преспокойно точили ляды. Болтают – а бал ее вот-вот пойдет насмарку! Девушка два раза хлопнула в ладоши, и голоса тотчас же смолкли.

– Хорас! – окликнула Джорджина резко, но не повышая голоса. – Вы мой дворецкий или, может быть, присяжный поверенный?

Слуга оказался достаточно сообразителен, для того чтобы промолчать. Он только густо покраснел.

– У нас еще есть шампанское?

– В леднике, мисс Бэйард.

– Несите немедленно!

Она холодно кивнула служанке, стоявшей к ней ближе других.

– Эмили, подносы для омаров и крабов пусты. А вы, Мюриел, – обратилась она к другой, – сию же минуту нарежьте тот хлеб, что уже чуть остыл, и сразу же, несите на стол! Там нет ни масла, ни сыра, да и икра уже кончается. – Джорджина окинула взглядом кухню. – А где та говядина, что стоила мне целого состояния?

Три повара тотчас же кинулись к духовке. Девушка потянула носом воздух и, развернувшись, метнула испепеляющий взгляд на одну из поварих.

– Смею надеяться, это не булочки с крабами у вас подгорают?

На мгновение все стихло. Джорджина выждала, пока молчание не стало гнетущим, потом еще раз хлопнула в ладоши.

– А теперь за работу!.. Все! Живо!

В кухне все сразу пришло в движение. Повара открывали и захлопывали чугунные дверцы духовок, серебряные подносы звенели о стойки, а слуги сновали по жаркой кухне, точно стайка испугнутых куропаток. Еще несколько минут – и они стали выскакивать на улицу с тяжелыми подносами, уставленными блюдами с рыбой и громадными ломтями сочной говядины, искрящимися стройными фужерами и запотевшими от холода бутылками вина, удерживая все это в равновесии на своих напряженных, затянутых в униформу плечах.

Удовлетворенная, Джорджина вышла из кухни и по той же мощеной дорожке направилась обратно, туда, где кипело веселье, где дожидался Джон Кэбот, которого нужно было срочно спасти от воркования и томных взглядов этой прилипчивой, забывшей счет денежкам Фиби.

Джорджина завернула за угол кухни и тотчас остановилась. Казалось, она уже заранее знала, что ее ждет там, еще до того, как обогнула здание.

Он был по-прежнему там. Стоял, прислонившись к кирпичной стене дома, скрестив ноги, обутые в сапоги. Одной рукой он опирался о полку, ту самую, где охлаждали караван, в

другой держал горбушку хрустящего теплого хлеба – хрустящего теплого хлеба, испеченного для гостей!

Он смотрел на Джорджину, и по взгляду его было видно, что он дожидался ее.

Джорджина набрала побольше воздуха в грудь и подбоченилась.

– Трудитесь все так же усердно, не так ли?!

В ответ он приветственно помахал ей тем, что оставалось от хлебной краюхи.

– По-моему, я дала вам задание, – произнесла она как можно надменнее и строже.

– Ну да, а то как же!

Он откусил еще кусок от горбушки и стал жевать, ухмыляясь, всем своим видом показывая, что его совершенно не волнует, ни что она скажет, ни что сделает, а заодно и ее тон. Девушка сделала шаг вперед.

– Вы прекрасно умеете отдавать приказания, Джорджи.

– Простите?

Он кивнул на раздаточное окошко:

– Стоит вам только хлопнуть в ладоши, и все, сломя голову кидаются выполнять ваши поручения.

– Я имела в виду обращение, которое вы употребили.

– Джорджи?

Девушка вздрогнула. Его это, похоже, весьма забавляло, и он был страшно доволен собой. Джорджина, однако, смекнула, что если станет пререкаться с ним по этому поводу, он будет нарочно употреблять это ужасное имя, только чтобы позлить ее.

– Думаю, вас совершенно не касается то, как я обращаюсь с моими слугами.

– А вот тут вы не правы.

Незнакомец доел хлеб, вытер руки о рубашку и выпрямился.

– Мне кажется, вы из тех девушек, что умеют справляться с трудностями, из тех, кому не так-то легко противоречить.

– Бог свидетель, у меня была хорошая школа, – пробормотала Джорджина сквозь зубы.

– Неполадки в раю? – Он огляделся. – По-моему, такое местечко, как это, должно было оградить вас от всяких невзгод.

Девушка лишь вздернула подбородок и ничего не ответила, но где-то в глубине частичка ее существа жаждала открыться ему, поведать, в какую беду она попала.

– Думаю, и дети вас слушаются так же, как и прислуга.

– Вряд ли это может быть вам интересно, и мне в общем-то ни к чему рассказывать вам о себе, но я не замужем.

В глазах его что-то мелькнуло, но лишь на мгновение.

– Родители, должно быть, переживают.

– Мои родители умерли, – коротко бросила девушка. Этот мужчина говорит о ней так, будто она уже старая дева. – И мне только двадцать два года. – Легкая, еле заметная улыбка скользнула в уголки его губ; мужчина пристально, не отрываясь, смотрел на нее; наконец он отвел глаза и покачал головой так, словно этот недотепа находил ее забавной. – Достаточно взрослая, чтобы справляться с прислужкой.

– Достаточно взрослая, чтобы справляться со всем, что требуется для устройства балов и вечеринок, но не достаточно для того, чтобы справляться с детьми.

– Что вы хотите сказать этим своим «достаточно взрослая»? – Он только пожал плечами.

– Возраст тут вообще ни при чем, он имеет значение только для коньяка. И я не говорила, что не умею справляться с детьми.

Джорджине никогда не приходилось иметь дело с детьми, однако она вовсе и не думала признаваться ему в этом.

Поза незнакомца была свободной, небрежной, но его понимающая усмешка – такая нахальная, самонадеянная – выводила ее из себя.

– Я могу справиться с чем угодно.

Мужчина задумчиво потер подбородок:

– Так, значит, Джорджи, вы считаете, что сумеете справиться с ребенком?

– Как раз этим-то, по-моему, я сейчас и занимаюсь.

Он засмеялся – таким теплым, глубоким смехом, что ей тоже захотелось засмеяться вместе с ним. Какое глупое желание!

Мужчина вдруг быстро шагнул к ней, мгновенно приблизившись почти вплотную. Джорджина стояла совершенно ошеломленная; для такого могучего роста он двигался на удивление легко и стремительно.

– Какое упущение, что вы не замужем, Джорджи.

Джорджине показалось, что он хочет коснуться ее, и она быстро отступила назад.

– Пока что не замужем. И меня зовут вовсе не Джорджи.

– Пока что? – Незнакомец посмотрел на нее с интересом и удивлением. – Не собираетесь ли вы подыскать себе мужа в течение ближайшего часа?

– Вот именно собираюсь. Как раз это-то я и намерена сделать. – Она подхватила юбки.

– А теперь, если вы мне позволите пройти, я попробую изменить мое семейное положение, к которому вы, кажется, проявляете интерес, находя его столь забавным.

– Так, значит, вы хотите выйти замуж.

Девушка вскинула голову.

Он не отводил от нее взгляда, и взгляд его возбуждал в ней странные, неведомо откуда нахлынувшие желания.

– Я вас прошу пропустить меня. – Незнакомец не двигался. – Не хотите ли еще раз испытать, как остер мой каблук?

Слегка приподняв подол платья и ножку, Джорджина помахала носком своей шелковой бальной туфельки.

Мужчина окинул ее взглядом, медленно, казалось, целую вечность скользя по ней глазами, прежде чем дошел до подола, потом шутливо поднял руки, как будто сдаваясь, и сделал шаг в сторону с преувеличенной галантностью.

Джорджина быстро, неслышным движением проскользнула мимо него. Она шла, высоко подняв голову; ей казалось, что в душе у нее что-то разгорается, вскипает. Отойдя уже довольно далеко, девушка оглянулась:

– Погодите еще несколько минут, и мой будущий супруг вышвырнет вас вон отсюда вместе с вашей твердолобой головой.

Джорджина была ужасно горда своим остроумием: все-таки последнее слово осталось за ней. Она шла мимо розовых кустов, и на губах ее играла улыбка победителя, а сердце билось, пожалуй, слишком сильно.

– Джорджи! – окликнул ее сзади низкий, глубокий голос. – У меня ведь не только лоб твердый, есть и еще кое-что!

Глава 10

*Никогда не женись из-за денег —
тебе дешевле обойдется занять их.
Старинная шотландская поговорка*

Джорджина сидела в уголке своей спальни и вытаскивала розовые колючки из пальцев.
– О-ох!

Девушка поднесла к глазам острый шип и сердито нахмурилась, разглядывая его. Ей и в голову не приходило, что у роз такие твердые колючки.

Джорджина охнула, и кровь прилила к ее щекам. Она все еще не могла оправиться от смущения, ведь она сразу догадалась, что он имел в виду. Когда растешь вместе со старшим братом, то узнаешь кое-что о мужчинах и женщинах и об их отношениях. Что делать, ведь иначе ни за что не поймешь, о чем это брат и его приятели болтают, над чем посмеиваются или обмениваются шутками.

Смазывая ореховой настойкой исколотые ладони, Джорджина попыталась представить себе Джона Кэбота на месте светловолосого гиганта с невысказанно красивым лицом.

У нее ничего не получилось; тогда она попробовала вообразить себе громадное состояние Кэбота: груды мерцающих в лучах света монет, золотых и увесистых; несколько тысяч золотых брусков, стоящих ровными рядами, точно солдаты; кипы ценных бумаг – акции, закладные, банкноты и долговые обязательства; драгоценности в коробочках из синего бархата с монограммами Кэботов, бриллианты, к примеру, – великолепное вложение капитала, особенно когда они оправлены в платину и украшают твои уши, и шею, и запястья, и пальцы.

Джорджина улыбнулась. Ах, алчность, ты способна пробудить столь восхитительные грезы!

Однако, снова открыв глаза, девушка увидела лишь стены своей спальни да обои с цветочным узором, уже пожелтевшие от старости. Даже узорчатый ковер, сотканный в Антверпене специально для бабушки Бэйард, отнюдь не казался роскошным в комнате со старыми шторами и потертыми диванными подушками.

Джорджина попыталась представить себе комнату полностью обновленной: струящиеся шелковые занавеси, картины в рамках из чистого золота, старинный французский фарфор. Этим вечером она слышала, как Фиби рассказывала, что где-то продается спальня из Версаля.

Джорджина купит его раньше Фиби. Да, первое, что она сделает, – это заново обставит все двадцать восемь комнат и залов дома. У миссис Джон Кэбот будут деньги, и влияние, и связи, она сможет получить и гарнитур из-за границы, и позволить себе все, что только пожелает, и это ничуть не отразится на сказочных богатствах Кэботов.

Джорджина закрыла глаза, пытаясь вызвать перед мысленным взором картину заново обставленных комнат, личико Фиби и необъятное состояние Кэботов. Однако взамен всего этого перед ней в лунном свете блеснули золотистые волосы и насмешливая улыбка незнакомца; щеки ее вспыхнули. Схватив ореховую настойку, девушка смочила ею свое разгоряченное лицо; благодарение Богу, что дорожка в этом месте была такой темной, а то этот парень заметил бы, как Джорджина выбирается из розовых кустов, в которые нечаянно забрела, и это довершило бы ее унижение.

Имей она хоть капельку здравого смысла, она бы и внимания не обратила на это красивое точеное лицо, на могучую статью незнакомца и на насмешливые нотки в его невероятно волнующем голосе. Ей бы следовало выбросить все это из головы. В эту минуту, однако, ей не хотелось раздумывать о том, почему же она этого не сделала.

– Уф! – с облегчением выдохнула девушка, выдернув последнюю и, кажется, самую острую колючку. Она подула на палец, быстро вскочила и бросила смоченный в ореховой настойке тампон на туалетный столик.

Нагнувшись, Джорджина всмотрелась в свое отражение в овальном зеркале. Ей не нужно было тереть свои щеки – они и без того были достаточно румяные. Повернувшись, она поправила прядку темных волос, выбившуюся из узла на затылке, потом вышла из комнаты.

Еще минута, и Джорджина спустилась по лестнице в сад, на этот раз с другой стороны, ступая по укромной, почти незаметной тропинке – тропинке, что вела ее к башенке с флюгером и к желанной цели.

Там дожидался ее Джон Кэбот.

Вот то, что ей нужно!

Девушка и сама бы не могла объяснить себе, почему вдруг замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Ей видны уже были верхушка башни и причудливый ржавый флюгер, венчавший ее. Посередине красовались часы Бэйарда, но в темноте циферблата их не было видно.

Странно – флюгер указывал не то направление. Ветер давно уже дул с запада, значит, острие его должно было указывать на восток.

Похоже, все в ее жизни сегодня перевернулось с ног на голову: часы, идущие вразнобой, глупые девчонки, разбивающие помолвки на вечеринке у Бэйардов, вместо того чтобы заключать их, слуги, не желающие выполнять свои обязанности, разносчики товаров, задающие до неприличия интимные вопросы, на которые она тем не менее отвечала, а теперь вот еще и флюгер, повернувшийся против ветра.

Джорджина пошла дальше чуть быстрее, как будто убегая от чего-то, но образ статного, высокого возчика преследовал ее.

И почему бы этим денежным мешкам с голубой кровью в жилах не быть хотя бы немножечко покрепче и постройнее? Джорджина подумала, что желать, чтобы богатый был к тому же и стройным красавцем – все равно что просить, чтобы луна к тебе скатилась на серебряном блюдечке.

Джон Кэбот был ниже ее дюймов на пять, не меньше, и уже начинал лысеть. Но у него были деньги, огромная, прекрасная куча денег!

Джорджина оглянулась, чтобы посмотреть на силуэт своего дома на фоне звездного темно-синего неба. Свет фонарей чуть колыхался от теплого летнего ветерка, задувавшего с моря, и дом, казалось, жил и дышал.

Джорджина постояла так всего лишь мгновение, потом повернулась, готовая довести это дело до конца. Она уже давным-давно решила, что миллионы Кэбота стоят того, чтобы стать его женой; он, может, и не сказочный принц, но она и не верит в подобную чушь. Это не более чем сказки, дурачащие легковверных людей. А Джорджина Бэйард не какая-нибудь там легковверная дурочка. Она знает, как ей следует поступить. Несколько нежных словечек, долгий и томный взгляд, поцелуй – и чудесные, туго набитые золотом карманы Джона станут ее собственными.

А в придачу и его плешивая голова.

Девушка прикусила губу. Все будет хорошо. Конечно же, все будет хорошо! Она смирилась уже с мыслью о том, что будет жить, не обращая внимания на мужа, стараясь не замечать его редящие волосы и гладкую, лоснящуюся плешь. Что из того, что он мал ростом, приземист и слегка туповат? Ради спасения ее дома, ее имени и достоинства она может прожить с ним до конца своей жизни.

А в первую брачную ночь, когда луна будет такой же громадной, как сегодня, а звезды такие большие и яркие, что кажется, можно дотянуться до них и коснуться рукой, она посмотрит в глаза Джона Кэбота и простится навеки с теми крупными грез и желаний, которые все еще таились где-то в глубине ее сердца. Да, распрощается с ними навсегда. Джорджина давно

уже все продумала. В первую брачную ночь она просто закроет глаза и будет думать о том, как заново обставит свой дом.

Еще мгновение, и Джорджина двинулась дальше – шаг, еще шаг... Победитель, идущий к своей цели.

Она уже могла различить силуэт Джона Кэбота в желтом сиянии фонаря на башне. Сделав еще один шаг, девушка остановилась и оглядела свое платье.

Оно было темно-синее; Джорджина намеренно выбрала шелк, который так шел к ее голубым глазам, – они казались от него еще синее, а волосы – еще более блестящими и черными. Просто на всякий случай она потерла щеки, потом взглянула вниз и так оттянула декольте, чтобы видна была ложбинка между грудей. Не следует опрометчиво полагаться на случай. Она построит себе счастье своими руками. Джорджина раздвинула губы в улыбке, вскинула голову и сжала кулачки, потом набрала в грудь побольше воздуха.

В следующее мгновение кто-то крепко обхватил ее сзади.

Глава 11

*Похищенные сладости слаще вдвойне.
Колли Сиббер*

Пробили часы, но Калем не заметил, который час. С последним их ударом он снял очки и потер переносицу. Он неожиданно сообразил, как это бывало после глубокого сна, что забылся, уйдя с головой в работу. Калем откинулся в кресле и потянулся, разминая затекшие мускулы.

С ним бывало так иногда – он погружался в работу вот так же, как теперь, зная, что последний в этом году корабль из Шотландии должен прибыть в ближайшие две недели. По опыту он знал, что судно может прийти даже завтра.

Калем глубоко, устало вздохнул и потер воспаленные глаза, потом взъерошил темные волосы и на мгновение опустил голову на руки. Он должен быть во всеоружии: корабль полностью на его ответственности. Калем снова надел очки, огляделся и заметил, что за окном уже темно. Стрелки каминных часов показывали третий час ночи. Он проработал семь часов без перерыва. Погружаясь в работу – вот так, как сегодня, – Калем терял чувство времени.

Однако время относилось к тем немногим вещам, которые он не пытался упорядочить. Для человека, который жил четко, по заведенному распорядку, нуждаясь в этой четкости так, как он, время было помощником. Оно вводило его труд в определенные рамки, помогало ему сделать его продуктивнее и выбрать методы, позволявшие справиться с большими объемами работ и высокими требованиями.

Калем для всего разработал систему. Он всегда одевался в определенном порядке: брюки, рубашка, ремень, затем носки и ботинки, и он раскладывал их по спальне так, чтобы можно было надеть их по пути к умывальнику. Это экономило время.

Кровать у него была очень широкая, но он спал только с краю, выкладывая посередине подушки, чтобы во сне нечаянно не помять белье на другой стороне. В результате, вставая, он мог просто подоткнуть простыню, с ее идеально отглаженными углами, с одной стороны. Так получалось вдвое быстрее, что давало ему лишние минуты на другие утренние процедуры вроде бритья. Его темная щетина была настолько густой и жесткой, что Кал ему приходилось бриться два раза: утром и вечером.

Калем понимал, что в чем-то, быть может, он перегибает палку с этой своей страстью к систематизации и порядку, но даже и не думал с этим бороться. Только благодаря организованности он и добился успеха. Именно это педантичное желание все упорядочить, служившее для Эйкена предметом насмешек, давало Калему возможность быть собранным и предельно внимательным.

Порядок давал ему внутреннюю свободу полностью сосредоточиться на работе, что, в свою очередь, позволяло ему выжать тридцать из двадцати четырех часов в сутки, – так он мог выгадать время, а оно было основой для его распорядка; благодаря ему он мог планировать свой день и свой вечер, оно научило его организовывать себя и свою жизнь. Калем проделывал это так успешно и в течение столь долгого времени, что привычка к режиму стала его неотъемлемой частью, такой же, как узы крови, связывавшие его с Эйкеном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.